

Санкт-Петербургский государственный университет

АКИШИНА Валерия Дмитриевна

Выпускная квалификационная работа

***СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ***

Уровень образования: магистратура

Направление: 41.04.01 «Юриспруденция»

Основная образовательная программа ВМ. 5841.2019

«Юрист в сфере нормотворческой деятельности»

Научный руководитель:
Доктор юридических наук, профессор
Тимошина Елена Владимировна

Рецензент:
Ведущий консультант Управления
конституционных основ публичного
права Конституционного суда
Российской Федерации
Кондуров Вячеслав Евгеньевич

Санкт-Петербург

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА.....	8
1.1. Абсолютистская концепция Ж. Бодена	8
1.2 Теория общественного договора Т. Гоббса	13
как источника суверенной власти	13
1.3 Теория ограниченного суверенитета Дж. Локка.....	18
1.4. Теория народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо	22
ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СУВЕРЕНИТЕТА.....	29
2.1. Теория государства Г. Еллинека:	29
релятивизация суверенитета как признака государства	29
2.2. Суверенитет государства в теории мирового	33
правопорядка Г. Кельзена	33
2.3. Концепция суверенитета К. Шмитта.	38
Идеологические разногласия с теорией Г. Кельзена.....	38
ГЛАВА III. НОВЕЙШИЕ ИДЕИ СУВЕРЕНИТЕТА	46
3.1. Теория суверенитета и Homo Sacer Дж. Агамбена	46
3.1. Идея позднего суверенитета Н. Уолкера.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Теория суверенитета рождает множество способов воздействия на различные сферы социальной жизни, данный аспект вызывает плюрализм исследований в разных областях науки, например, «стратегия развития экономической безопасности»¹ вводит в позитивное право такую терминологическую установку, как «экономический суверенитет», позволяющую проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации в экономической сфере.

Если рассматривать истоки формирования теории суверенитета, то данное понятие принадлежит к области политического, однако геополитические изменения привели к эволюции термина суверенитета в правовую сферу, вследствие чего оно надежно укрепилось в конституциях государств. Ввиду этого суверенитет как элемент юридического воспринимается и анализируется с точки зрения конституционного и международного права.

Вестфальский мировой порядок обусловил главные постулаты суверенности – независимость, верховенство власти и воля решения на собственной территории, а также провозгласил принцип свободной внутренней политики. Несмотря на то что в современном позитивном международном праве нет формального закрепления государственного суверенитета, мировые организации в лице ООН закрепили в Уставе одноименной организации один из основополагающих принципов – принцип равенства государств.

Актуальность выбора данной темы исследования обусловлена необходимым анализом эволюции теории суверенитета. В современную эпоху вопросы правового регулирования порядка и совершенствование конституционного устройства представляются достаточно существенным элементом конституционного законодательства в большинстве государств, имеющих конституционную форму правления. Также немаловажным аспектом является сохранение баланса между национальным и международным правом, поскольку не каждое суверенное

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 №208 «О Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

государство берет на себя ответственность в исполнении норм, которые закрепило мировое сообщество.

Степень теоретической разработанности и базовые источники исследования. Фундаментальные идеи суверенитета необходимо отслеживать в концептах ученых Нового времени, чтобы обозначить исходное смысловое значение данного понятия. Теория суверенитета в XVI-XVIII столетия находила свое развитие в работах Ж. Бодена, Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. де Монтескье и др.

Современные концепции государственного суверенитета берут свое начало в концепции Г. Еллинека, в которой суверенитет начинает рассматриваться как признак абсолютно-монархической формы правления. Г. Кельзен в своей чистой теории права окончательно релятивизирует понятие государственного суверенитета. Необходимо также отметить научное значение работ К. Шмитта в разработке понятия суверенитета. В его концепте появляется «лицо», в котором сконцентрированы специфические правовые качества, позволяющие определять внутренние и внешние угрозы, адресованные государству, вводя разграничения при определении чрезвычайного положения. Труды Дж. Агамбена с точки зрения концепции суверенитета затрагивают вопрос управленческого механизма современного государственного демократического устройства, в котором заметны тоталитарные тенденции. Нил Уолкер раскрывает идею переходного суверенитета, когда власть от государства делегируется к негосударственным и субгосударственным субъектам ставится вопрос о том, нужен ли суверенный суверенитет, и как глобальные перемены могут видоизменить неделимую власть при ее сохранении.

Однако конструирование современного понятия суверенитета исходит из многообразия применяемых теорий, а в позитивном праве также учитываются нормативные документы, принятые международными организациями.

Объектом исследования являются теоретико-правовые доктрины суверенитета и государственной власти в политико-философском дискурсе.

Предметом исследования выступают теоретические концепты о политико-правовой природе суверенитета и характеристиках суверенного правителя.

Цель работы – проанализировать и выявить эволюцию теоретико-правового опыта относительно природы суверенитета, начиная с раннего Нового времени, уделяя внимание правовому позитивизму и заканчивая новейшими политико-правовыми концепциями.

Цель исследования реализуется посредством решения установленных **задач**:

1) осуществить анализ классических концепций суверенитета в политико-правовых теориях представителей Нового времени;

2) выявить политико-правовую природу государственного суверенитета Г. Еллинека;

3) проанализировать ключевые моменты правовой теории суверенитета работах Г. Кельзена;

4). выявить политико-правовую природу реализации власти суверена, определить границы нормативности и действительности его решений в концепции К. Шмитта;

5) провести сравнительный анализ теорий суверенитета Г. Кельзена и К. Шмитта;

6) систематизировать взгляды Дж. Агамбена на концепцию суверенитета через его учение о Homo Sacer и идею «Голой жизни»;

7) проанализировать идею дискурсивного понятия суверенитета Н.Уолкера.

Гипотеза исследования основана на теоретическом и эмпирическом фундаментах, согласно которым классические теоретические концепции суверенитета как источника политико-правовой власти имеют в своей основе представления об абсолютном характере воли и решения, сосредоточенных в фигуре суверена, однако опыт международного права иллюстрирует то, что взаимодействие и сотрудничество государств между собой детерминирует внутренний и внешний курс государственного управления.

Научная новизна исследования подтверждается тем, что анализ природы классических и современных концепций суверенной власти иллюстрирует

возможные перспективы, которые происходят на данном этапе развития международных отношений и демократических государств.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в осмыслении проблем государственного суверенитета, границ его реализации и способах поддержания и обоснования легитимного господства, а также в том, что данные материалы могут быть использованы для подготовки учебно-методических пособий по теории суверенитета.

Теоретико-методологические основы исследования. В качестве *методов исследования* для решения поставленных задач и достижения заявленной цели исследования были избраны: анализ источников, исторический, сравнительный анализы. Дискурсивный анализ теоретико-правовых и политико-философских источников позволяет в рамках данной исследовательской работы восстановить ценностный компонент концепций суверенитета авторов как Нового времени, так и представителей XIX-XXI веков, проанализировавших роль целостности государства.

Структура данной **работы** включает введение, три главы, состоящие из девяти параграфов, заключение и список литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1) Классические теории суверенитета берут свое начало в учении, которое обосновывало неограниченную власть монарха. Абсолютная власть передавалась правителю непосредственно от Бога, в ходе трансформации источником суверенитета стал выступать народ как носитель специфических качеств гражданского сообщества.

2) Правовая природа суверенитета согласно Г. Еллинеку содержится в способности государственной власти реализовывать возможность к самоопределению, а также самоограничению путем установления правопорядка. Фундаментом суверенности, выступает абсолютистская традиция, в соответствии с которой суверенное государство не может быть подвержено каким-либо правовым ограничениям или принудительным изменениям собственного действующего правопорядка извне, кроме как по персональному волеизъявлению.

3) Ключевыми моментами правовой теории суверенитета Г. Кельзена является представление правовой системы в виде иерархии норм, где действительность каждой нормы прослеживается через норму более высокого порядка, пока не будет достигнута основная норма системы. Подобный порядок обуславливает возможность должностному лицу принимать обязательное решение. Суверенитет не рассматривается в качестве организующего элемента для правовой теории.

4) Карл Шмитт реализует теорию суверенитета через персонифицированный субъект в лице суверена, который обладает высшей властью в политическом союзе, принимая решение о чрезвычайном положении или решение об обозначении «друга» или «врага».

5) Дж. Агамбен настаивает на том, что чрезвычайное положение, описанное К. Шмиттом является обыденностью для современности. Природа политического подразумевает жесткую вертикальность, распределение решения, которое принимает суверен, по всему пространству гражданского общества сталкивается с серьезными трудностями.

6) Дискурсивная форма Н. Уолкера подразумевает то, что верховная распорядительная власть устанавливает и поддерживает статусность государства. Однако глобализационные процессы, породившие субгосударственные институты, сильно видоизменили историческую природу суверенности.

ГЛАВА I. КЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

1.1. Абсолютистская концепция Ж. Бодена

Наиболее значимое первое учение о суверенитете возникает в контексте абсолютистской доктрины, которая ярко заявляет о единстве, неотчуждаемости власти монарха-суверена, его не обусловленности земными законами и несвязанностью обещаниями в крайних случаях.

Французскому правоведу Жану Бодену (1530-1596) удалось превратить концепт суверенитета из условного набора правомочий собственника или господина, который имеет неограниченную власть над государством, в саму сущность государственности. Властитель представляет собой выражение общегосударственного суверенитета, поэтому можно говорить об абстракциях высокого уровня, которые позволяют определить источник происхождения власти. При этом Боден одним из первых стал рассматривать право собственности как ограничение власти суверена.

Активное использование Ж. Боденом понятия суверенитет относится к 1570-м годам, в трактате «Шесть книг о республике», под ним подразумевается абсолютная и необоримая власть. Для Бодена неприемлемо, чтобы верховная власть выносила решения, которые кто-либо мог бы оспаривать.

По мнению Н. Хеншелла, Боден развенчал средневековую концепцию «смешанной» конституции и заменил ее на теорию абсолютизма². Республика представлялась как идеал, а в последствии, в политической мысли Нового времени подменяется монархией, как воплощением божественного и наилучшего политического режима на земле. Смешанная конституция конструирует власть, которая разделяется между монархом и его подданными, а также регулируются их взаимные обязательства друг перед другом. Абсолютизм же представляется как власть монополизированная, предполагающая автократию монарха. На передний план у Бодена выходит мысль о том, что закон может исходить непосредственно от

² Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. С. 145.

законодателя, а не сохраняться и воспроизводиться в обычаях народа, в чем нашло отражение абсолютистской тенденции того времени³.

Для того чтобы наполнить свою идею Жан Боден начинает анализ с общих оценок целей, источников и концепции политической власти. По его мнению, политическая деятельность изначально зарождается в семье, в особенности, от лица глав семей, которые обладают господствующей властью в контексте реализации своего домашнего быта, однако подобных семейств может быть множество, и в борьбе за территорию, престиж, осуществляя агрессивные действия по отношению к друг другу, изменяется и статусность – одни становятся победителями, другие же должны принять свою участь в лице рабов. Именно таким образом рождаются тираны, которые своими действиями смогли получить власть и в своем масштабе, суверенную⁴.

Боден выводит тезис о том, что «чрезмерный суверенитет является абсолютной и вечной властью содружества». Под «вечной» правовед подразумевал, что власть, чтобы быть суверенной, должна быть сосредоточена в руках властителя на весь период жизни, а также не подлежит истечению срока. Что же касается понятия «абсолютного», то под ним Боденом могло подразумеваться множество разных вещей, и большая часть споров вокруг его теории суверенитета включает точные границы его абсолютизма⁵.

К примеру, рассматривая конституции более ранних веков, а именно античного или средневекового типа, Жан Боден не отождествлял власть того периода с суверенной, так как правитель не мог принимать законы или формулировать публичную политику, если в какой-то момент не требовал согласия какого-либо другого магистрата. Необходимость некоего коллективного решения полностью подрывала авторитет и значимость правителя. Суверенитет для Ж. Бодена необходимо был либо неделимым, либо же его не существовало вовсе⁶.

³ Franklin J. Sovereignty and the mixed constitution: Bodin and his critics // The Cambridge History of Political Thought 1450-1700, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 301.

⁴ Beaulac S. The social power of Bodin's 'sovereignty' and international law // Melbourne Journal of International Law. Vol 4. № 1. 2003. P. 15.

⁵ Andrew E. Jean Bodin on Sovereignty. Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics and the Arts. №. 2. 2011. P. 77.

⁶ Чичерин Б. Н. Боден / Чичерин Б. Н. История политических учений. Т.1. 2006. С. 391.

Суверен являлся в первую очередь источником закона, соответственно, никакое правовое требование не могло состояться без его согласия или одобрения. Первой прерогативой суверенного правителя было установить закон, как в общих положениях, применимых ко всем субъектам, так и в качестве конкретных приказов, применимых к отдельным лицам. Ж. Боден причисляет судебную функцию короля к второстепенному атрибуту, осуществление которого может быть делегировано низшим магистратам. Образ монарха стал образом законодателя, источника права и происхождения всех почестей и привилегий⁷.

Несмотря на весь абсолютизм и мощь монарха, есть некоторые аспекты, которые заставляют задуматься о все-таки неполноценной власти правителя, а именно собственные ограничения, которыми себя обременял король: запрет на нарушение заключенных договоров, включая договор с его подданными и с иностранными князьями, поскольку они питают силу в законе природы⁸.

Данное противоречие характеризуется выстраиванием осмотрительной государственной политики, в стабильных условиях (отсутствие войн, стихийных бедствий, неурожая) суверен должен жить своими средствами. Запрет на отчуждение королевского лица вместе с требованием о том, чтобы все налогообложение учитывало личное согласие субъекта, может быть понят на фоне происходивших в то время французских религиозных войн⁹.

Данный запрет являлся фискальным пределом для чрезмерно амбициозных устремлений и представлял своего рода передышку для третьего сословия, которое на тот момент уже было перегружено налогами¹⁰.

Понятие суверенитета первоочередно влечет за собой абсолютную и единственную компетенцию законотворчества в пределах территориальных границ государства. Юрист утверждает, что суверенитет, являясь высшей властью в государстве не может быть ограничен ничем, кроме законов Бога и естественного

⁷ Митюрёва Д.С. Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С. 39.

⁸ Dunning Wm. A. Jean Bodin on Sovereignty // Political Science Quarterly. Vol. 11, № 1. 1896. P. 85.

⁹ Muñiz-Fraticelli V.M. Jean Bodin // Bevir M. (ed.), Encyclopedia of Political Theory. Los Angeles: Sage Publications, 2010). P. 6-7.

¹⁰ Sommerville J. Absolutism and royalism // The Cambridge History of Political Thought 1450-1700, Cambridge: Cambridge University Press. 2008. PP. 352.

права. Также и никакая конституция не может ограничивать суверенитет, следовательно, суверен считается выше позитивного права¹¹. Божественная трансцендентная природа подкрепляет волю правителя, а сам механизм передачи власти не ограничен никакими обязательствами¹².

Власть суверенного правителя перестает действовать в пределах домохозяйства. Монарх не может вторгаться в частную жизнь и навязывать свою волю главе семейства. Власть и собственность не должны отождествляться.

Р. Пайпс полагал, что Боден предвосхитил основу западного капиталистического мироустройства, которая отражена в современной политической теории, согласно которой государством не может осуществляться давление на граждан в делах, касающихся их частной собственности¹³.

Важной обязанностью суверена было соблюдение защиты частной собственности. Правитель не обладает правом присвоения частной собственности своих граждан, не может отобрать чьи-то владения и имущество, а также наложить налог, который ему вздумается. Суверен подчиняется божественному праву, которое полностью на стороне физических лиц – частная собственность не может быть отчуждена никем, даже сувереном. К тому же, владения короля не являются его собственностью, а лишь временно дарованы народом, на время его пользования и нахождения в статусе суверена.

Абсолютная суверенность монархического правителя, таким образом, имеет силу в политической и юридической сферах, однако не распространяется, к примеру, на финансовую политику. Необходимо подчеркнуть, что в политической системе, которую выстраивает Боден, право собственности относится к одному из трех ведущих признаков государства наряду с правом как таковым и суверенитетом¹⁴.

Рассматривая более позднее издание трактата «Шесть книг о государстве»,

¹¹ Bodin J. Six Books of the Commonwealth (Les Six livres de la Republique). Oxford: Alden Press. 1955. P.45.

¹² Марченко Е. И. Теоцентризм политико-правового учения Ж. Бодена о суверенитете // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. 2009, № 1. С. 98.

¹³ Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 47-48.

¹⁴ Эльфонд И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI века / Культура Возрождения и власть. М.: Наука, 1999. С. 166.

которое Жан Боден существенно дополнил и откорректировал, в особенности, заключил, что «Суверенитет есть верховная власть над гражданами и подданными, не стесненная законами государства»¹⁵. Данное уточнение демонстрирует, что исключительный характер суверенной власти, наделенной особым статусом имеет ограничение естественным и божественным законами. Тем самым, абсолютная власть уступает место рациональному порядку, которая исходит от Бога.

Божественный закон в теории Бодена определяет природную (естественную) свободу человека: природной свободы люди достигают, когда подчиняются лишь Богу, подавляют в себе звериные инстинкты и руководствуются разумом¹⁶.

Закон природы и закон Бога неделимы, ниже в этой иерархии стоит гражданское право и гражданские законы, однако, любопытно как Боден частные законы приравнивает к естественным и божественным, говоря, что суверен не может против воли изымать собственность у человека, ссылаясь на Бога, защищающего это природное право человека¹⁷.

Несмотря на то что Боден отвергает саму возможность ограничить верховную власть посредством законов, он принимает позицию разумного ограничения власти суверена в пределах частной жизни граждан¹⁸.

Отличную концепцию суверенитета представляет Томас Гоббс, который исследовал фундаментальные причины государственного общежития людей, придя к выводу, что суверен предоставляет защиту гражданам в обмен на их повиновение.

¹⁵ Bodin J. Six Books of the Commonwealth (Les Six livres de la Republique). P. 90.

¹⁶ Баязитова Г. И. К вопросу о божественном и естественном законах в политической философии Жана Бодена и Томаса Гоббса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 10. С. 107.

¹⁷ Bodin J. Six Books of the Commonwealth (Les Six livres de la Republique). P.101.

¹⁸ Дегтярева М. И. Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 169.

1.2 Теория общественного договора Т. Гоббса как источника суверенной власти

Отличительная концепция суверенитета Т. Гоббса обусловлена совершенно другой политико-правовой традицией. Англия XVI начала XVII века была пропитана идеей суверенного светского правителя, власть исходила не от народа, а непосредственно от Бога. Эту идею отстаивал Король Яков I, однако Петиция о праве поданная в Парламенте, в том числе Эдвардом Коком, утверждала, что «суверенная власть» ослабляет Великую Хартию Вольностей и иные статуты, противоречит принципам парламентаризма, ставит суверенную власть выше законов и традиций, заменяет законодательную власть на власть, основанную на силе, то есть стремилась заменить абсолютистские тенденции на конституционно-ограничительные, правовые¹⁹.

В идеях Томаса Гоббса прослеживаются демократические тенденции, однако в анализе может быть выявлена точка зрения о неограниченности суверенной власти, что противоречит постулатам либерализма²⁰. Легитимность действий суверенного правителя обусловлена согласием подданных, которыми он управляет²¹. Подвластное население передает полномочия по обеспечению защиты правопорядка и прежде всего частной собственности, обеспечению личной безопасности суверену, ответственность за действия последнего лежит на самих делегировавших данные функции правителю людях. Обвинение в злоупотреблениях властью со стороны суверена логично сводилось бы к обвинению подданными самих себя, поскольку соглашение между ними и сувереном было заключено на добровольной основе.

Теория английского философа не разделяет ветви власти, поскольку, согласно его идеям, власть реализуется от одного лица, и данное единство позволяет реализовать весь спектр воли суверена: исполнительные полномочия должны

¹⁹ Кондратьев С. В. В праве места нет «суверенитету» (Об одном коротком обсуждении в парламенте 1628 г.) // Европа: международный альманах. Вып. 3. Тюмень: Издательство Тюменского государственного суверенитета, 2003. С. 67-74.

²⁰ Rethinking The Foundations of Modern Political Thought. Edited by Annabel Brett, James Tully HamiltonBleakley, Holly. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 192.

²¹ Скиннер. Кв. Свобода до либерализма. СПб. Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 18.

подкрепляться как судебной властью, так и военной, а также властью в сфере господствующей идеологии²².

Фактически, наличие договора является главным индикатором наличия суверенитета, мотивация его создания обусловлена потребностями народа в безопасности и страхом. Томас Гоббс полагал, что именно постоянный страх людей является естественным, ведь всегда существует угроза безопасности с наступлением войны. Заключение договора между правителем и гражданами нивелирует страх с одной стороны, а с другой – признается суверенная власть путем передачи прав со стороны народа.

Основной проблемой власти суверена является вопрос, может ли правитель результативно справляться с обязанностью по защите народа, который согласился его заключать²³. Выполнение данного аспекта связывается с наличием эффективного правительства, однако продуктивность работы правительства тесно связана с абсолютистскими полномочиями. Суверенитет – это права, которые не могут быть оспорены кем-либо, а именно исключительные права, вместе с тем представляющие собой полномочия, которые должны им быть надежно и эффективно использованы в управлении обществом²⁴.

Правительства существуют для защиты людей от их собственной злой природы, этой задаче может способствовать наилучшим образом верховный, суверенный монарх. В этом смысле взгляды Гоббса на суверенитет носят абсолютистский характер, также существуют ограничения государственного абсолютизма, по аналогии с ограничениями, существующими в концепции суверенитета Ж. Бодена. Гражданин может не подчиняться правительству, он не лишен права на самозащиту против суверенной власти. Если суверен не защищает гражданина, его семью, честь, то он не выполняет свои обязательства²⁵.

Схожесть позиций Жана Бодена и Томаса Гоббса очевидна: власть, учрежденная посредством договора для достижения своей основной цели должна

²² Гоббс Т. Левиафан... Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. С. 141.

²³ Philpott D. «Sovereignty». The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty> (дата обращения 11.04.2021)

²⁴ Skinner Q. Hobbes on Sovereignty: An Unknown Discussion // Political Studies 2, 1965. Pp. 213-218.

²⁵ Foisneau L., Sorell T (ed.) Leviathan after 350 years. New York, Oxford University Press. 2004. P. 185.

быть безусловна и ничем не ограничена²⁶. По своей сути, форма правления не влияет на выделение высшей власти, поскольку ей подчинены все другие, соответственно, рождается неподконтрольный характер суверенной власти. Будучи установленной по доброй воле граждан, эта власть не может быть упразднена исходя из их произвола, акт договора подразумевает их обязанность подчиняться, которую они должны соблюдать.

Цель такой уступки гражданских прав – мир в государстве и безопасность: «Если бы раньше большая часть населения Англии не придерживалась мнения, что указанные права были разделены между королем, лордами и палатой общин, то народ никогда не был бы разделен и дело не дошло бы до гражданской войны»²⁷. Суверен воспринимается как подданный Бога, он должен блюсти естественные законы, поддерживать безопасность в обществе, а также минимум всеобщего благосостояния, которое подразумевает «обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства»²⁸.

Как утверждает К. Шмитт, «суверенное представительное лицо есть нечто несоизмеримо большее, нежели то, чего могла бы достичь совокупная сила всех участвующих в консенсусе отдельных волей»²⁹, таким образом Левиафан отображает наивысшую политическую волю, которая не сводится к чистой сумме волей всех индивидов, произрастая за пределами социального согласия, в этом смысле суверен неподконтролен со стороны общества.

Переданное суверену полномочие создает в его лице представителя всех, формируя единое политическое тело в концепции Гоббса. Право карать нарушителей договора смертью – необходимое условие, при котором будет поддерживаться стабильность созданного таким образом государства. Возникает особое право государства как абсолютного субъекта предъявить собственную

²⁶ Митюрёва Д.С. Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С.39.

²⁷ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1991. С. 141.

²⁸ Там же. С. 260.

²⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 150-151.

единую волю в форме закона³⁰.

После заключения договора у гражданина не остается прав ни для расторжения договора, ни критики верховной власти как невыполняющей условия соглашения – права передаются раз и навсегда; критерием истинности суждения и поступков становятся гражданские законы, а естественный человек – гражданином, или подданным.

Установление законов рождает моральные нормы, ведь появляются правила, которые разграничивают справедливое и несправедливое, добро и зло, честное и бесчестное становится волеизъявлением законодателя, лицу, которому принадлежит верховная власть в государстве. Природа справедливости состоит в выполнении соглашений; несправедливость, следовательно, есть невыполнение условий договора, соблюдать который высшая власть принуждает людей с помощью угрозы неизбежного наказания, перевешивающего благо, которое люди надеются получить от жизни в обществе.

В рамках теории общественного договора Т. Гоббс дал наиболее последовательное обоснование идеи абсолютного монархического господства и связано с этим идеи государственного суверенитета. Права человека, являются исходным началом всех правовых отношений они свободно отчуждаются людьми в пользу суверена в обмен на гарантии безопасности и соблюдение основных естественных прав:

«В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство – единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех для их мира и общей защиты. Тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном, он обладает верховной властью, а всякий другой является подданным»³¹.

³⁰ Исаев И.А. Левиафан и номос: Томас Гоббс и Карл Шмитт о правомерности власти // Право и государство: теория и практика. № 3, 2007. С. 6-7.

³¹ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (Дата обращения: 05.05.2021)

Достижение верховной власти осуществляется путем применения физической силы, к примеру, когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Также может быть заключено добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанном на установлении, а государство, основанное силой – государством, основанном на приобретении³².

Таким образом, Гоббс вводит два понятия суверенитета: суверенитет приобретенный (силой, посредством завоевания и установления единоличной власти) и суверенитет, возникающий в результате договора между людьми, их добровольного согласия.

Отождествляя право и закон как акт воли политического суверена, Гоббс отрицал какое бы то ни было неповиновение граждан юридическим законам, неизбежно ведущее, с его точки зрения, к распаду государства, являющееся как незаконным, так и несправедливым. Свобода подданного, по его убеждению, совместима с неограниченной властью суверена³³. В противном случае неизбежен возврат к доправовому состоянию «войны всех против всех», в котором, в принципе, нет места никакой справедливости.

По мысли Т. Гоббса государство, представляя собой «реальное единство», имеет право управления и санкции на любые действия, утверждающие мир и защиту. Левиафан выступает смертным Богом, над которым властвует лишь Бог бессмертный. Хотя Гоббс и заявляет о договорной природе государственной власти, у него нет идеи ответственности суверена перед народом. Не случайно Т. Гоббс был решительным противником права народа на расторжение договора, то есть на восстание.

³² Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991 С. 141.

³³ Там же. С. 235.

1.3 Теория ограниченного суверенитета Дж. Локка

Нидерландский историк Франлин Рудольф Анкерсмит полагает, что Боден и Гоббс в своих размышлениях о суверенитете пытались обозначить в политической сфере некую коллективность и целостность, которой свойственна собственная воля, являющаяся сильнейшей в сравнении с волей отдельно взятых индивидов и всех их вместе. Абсолютистские концепции возникли как ответ на революционные события, они были призваны ограничить инерцию, холизм, который был свойствен для их политической реальности – понятие суверенитета сыграло роль в окончании религиозных войн³⁴. Аспект коллективизма подчинил подданных с целью их спасения, обеспечения безопасности, что позволило в будущем, в ситуации отсутствия тех самых «крайностей» о которых рассуждал Боден, с этим диктатом бороться и противиться ему.

Позднее локус сместился к более демократическим теориям суверенитета, они представлены в работах Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, где источником и носителем суверенитета объявили народ в качестве носителя «всеобщей воли». Народный суверенитет, согласно Г. Еллинеку приобретает характеристику конечного базиса всякой государственной власти³⁵.

Джон Локк решительным образом модифицировал теорию Томаса Гоббса: в своих рассуждениях он осуществил переход от идеи абсолютного суверенитета к суверенитету ограниченному. По мнению английского мыслителя, не существует надежных оснований полагать, что правители по собственной воле будут обеспечивать интересы народа, а следовательно, должны существовать определенные формальные ограничения политической власти. Дж. Локк предлагает разделение власти на три ветви, а именно, на законодательную, исполнительную и федеративную. Законодательная власть осуществляет право издавать законы, исполнительная — претворяет их в жизнь, а федеративная — занимается внешней политикой³⁶.

³⁴ Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 26.

³⁵ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. С. 443—444.

³⁶ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 346-349.

Дж. Локк одним из первых развил положения теории разделения властей и системы сдержек и противовесов. Осуществление законодательной власти предписывается выборному представительному органу, которому в конституционном государстве выделяется верховенство, тем самым, направляя силу государства на обеспечение безопасности сообщества. Деятельность правителя, как главы исполнительной власти, строго регламентируется законами, подчинение которым является его первейшей обязанностью. Таким образом, народ может выступать регулятором власти государя, если терпит от нее какой-либо ущерб. Устанавливаются отношения в виде «разрешения со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и поступать вопреки букве закона ради общественного блага»³⁷. Идеологические либеральные взгляды Дж. Локка, поддерживают право сопротивления в случае, когда правитель не в состоянии выполнить функцию, путем защиты прав народа, ради которой народ и передает часть своей свободы в его руки³⁸.

Король в праве созывать парламент, поскольку исполнительная власть может наилучшим образом решать, когда именно необходимо обратиться парламенту для содействия общественному благу. Министры, управляющие страной и обладающие всей полнотой информации о положении дел в стране, должны нести ответственность перед парламентом; судьи же, как стражи закона, признаются независимыми от воли правителя. Именно в правлении закона Джоном Локком виделась гарантия безопасности государства в целом и каждого отдельного гражданина.

Философ утверждает, что государство было создано по взаимному согласию людей для защиты их жизни, свободы и имущества: «великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности».³⁹ Для выполнения этой задачи

³⁷ Там же. С. 358.

³⁸ См.: Sullivan V. B. Machiavelli, Hobbes, and the Formation of a Liberal Republicanism in England. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 15.

³⁹ Локк Дж. Два трактата о правлении. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 334.

политическая власть наделяется полномочием издавать законы и применять для исполнения этих законов силу сообщества. Законодательная и исполнительная власти в своей деятельности независимы друг от друга, но обе имеют над собой высшего судью в лице народа, обладающего правом требовать к ответу всякую власть⁴⁰. Отличаясь друг от друга своими функциями, эти власти должны быть разделены, в противном случае правители получают возможность освобождать себя от подчинения законам и приспособлять их к своим частным интересам.

Личность делегирует часть своих естественных прав, с характерными властными полномочиями не государству непосредственно, а гражданскому обществу: «...когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское, общество. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии, вступает в общество, чтобы оставить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или, когда кто-либо присоединяется к ним и принимает в какое-либо существующее государство»⁴¹. Однако, гражданское общество Локка еще приравнено к политическому, то есть представляет собой государственное сообщество как некое единство и в этом смысле еще далеко от современного понимания гражданского общества как политически активного населения и его институциональных структур.

Локком исключается любое насилие при переходе прав от гражданского общества к государственной власти, главным регулятором является воля и решение всего большинства⁴². Общественный договор Локка подразумевает, что законодательная власть при своем функционировании создает полные условия для поддержания общественного блага – этот процесс является переходом из естественного состояния в государственное⁴³.

⁴⁰ См.: Fontana B., Nederman C. J., Remer G., *Talking Democracy: Historical Perspectives on Rhetoric and Democracy*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2004. P. 251-256.

⁴¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 312.

⁴² Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 317.

⁴³ Там же. С. 312.

Таким образом, доктрина естественного права, приобретающая форму закона, обусловлена концепцией, согласно которой государство строится при участии гражданского общества, руководимое принципами разума и общего блага. Пределы власти суверена лежат там, где отсутствует необходимость каких-либо действий, не способствующих утверждению общего блага, а главной обязанностью суверенной власти является охрана частной собственности каждого гражданина⁴⁴.

Народ как носитель суверенитета делегирует власти полномочия по обеспечению достойной жизни граждан, с присущим набором обеспечительных мер, среди которых можно выделить: правление согласно общепринятым и постоянно действующим законам, которые были провозглашены народом и от его имени; беспристрастные и справедливые судьи; наличие регулярной силы, которая защищает общество от внешних врагов и внутренних смут. В суверенном государстве должны преобладать закон и законность, которые обеспечивают интересы мира и всеобщего блага для всех представителей народа, гарантируют неотчуждаемые ценности человека и его естественные права, среди которых значится право на жизнь, право на свободу, право на равные возможности, право владеть и распоряжаться имуществом⁴⁵.

При рождении суверенности возникает новый основной субъект в лице гражданского общества. Границы государственного суверенитета очерчиваются общественным благом и правами граждан, данными им от природы, что реализуется в концепции разделения государственных властей. Идея народного суверенитета Локка подразумевает право народа по осуществлению контроля за деятельностью законодательного органа, право на внесение изменения в его структуру и состав.

Суверенитет в таком виде устанавливает общий закон, который признается всем обществом и допускается согласно общему согласию граждан как мера справедливости и несправедливости для разрешения всех споров и тех коллизий, которые возникают в обществе. Общественный договор, порождая юридически

⁴⁴ Там же. С. 336.

⁴⁵ Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016, № 10. С.42.

оформленный закон, создает тем самым общезначимое и признанное всеми мерило справедливости, которое отсутствует в естественном состоянии. Роль суверена в лице монарха тем самым, в отличие от Гоббса, здесь упраздняется, на первый план выходит всеобщее гражданское согласие.

Суверенитет как качество обладания верховной властью государства может принадлежать любому, кто в состоянии «управлять согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным ему, а не путем импровизированных указов»⁴⁶. Законы способствуют достижению «главной и великой цели» государства, когда их все знают, считают справедливыми и все выполняют.

Разделение суверенной власти является оптимальным способом организации государства, этот принцип должен лежать в основе деятельности всех частей государственного аппарата, позволяя ограничить абсолютную власть монарха: «Законодательная и исполнительная власти должны находиться в различных руках как это имеет место во всех умеренных монархиях и правильно организованных правительствах»⁴⁷.

Вместе с тем, считается, что Дж. Локк не был сторонником жесткого разделения одной ветви власти от другой и, вероятно, допускал смешение деятельности различных властных полномочий в деятельности одного органа⁴⁸.

1.4. Теория народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо

Наиболее яркой точкой в развитии теории суверенитета Нового времени как воплощения народной воли является теория Жан-Жака Руссо, в которой единственный носитель и источник суверенной власти воплощен в коллективном субъекте.

Руссо осуществляет историческое исследование пути человека к существующему неравенству. Начинает он с анализа естественного состояния

⁴⁶ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С.341.

⁴⁷ Там же. С. 356.

⁴⁸ См.: Косов Р. В. Пределы власти (история возникновения, содержание и практика реализации доктрины разделения властей). Тамбов: Изд-во Тамбовского. гос. техн. ун-та, 2005. С. 38.

человека, в котором царит естественная свобода, равенство с другими людьми. С возникновением частной собственности равенство постепенно уничтожается. По выражению Руссо, «тот первый, кто поставил забор вокруг участка земли и вызывающе сказал: «Это – мое» – и нашел простодушных людей, поверивших в это, стал подлинным основателем гражданского общества»⁴⁹. Частная собственность приводит к появлению имущественного, а затем и политического неравенства, основанию по инициативе богачей публичной власти и государства.

Ж.-Ж. Руссо, полагал, что человек всегда находится в естественном состоянии добра; вследствие обмана сильных и богатых, люди заключают общественный договор, который становится возможным через трансформирование человеческой природы после возникновения собственности. Созданное общество противоестественно, но его можно обустроить на справедливых началах, для этого оно должно стать единым целым и получить все права, присущие человеку в естественном состоянии⁵⁰. Свобода и равенство участников договора обеспечивали объединение народа в единое целое, интересы которого не могли противоречить интересам отдельных лиц, следовательно, вполне закономерно вытекал вывод о возможности общества как целого диктовать свою волю отдельным своим составляющим в лицах индивидов⁵¹.

Государство, по мнению Руссо, возникает как результат договора между бедными и богатыми, то есть богатые предложили создать публичную политическую власть, а бедные согласились. Само возникновение государства было причиной уничтожения естественной общественной свободы и равенства. Неравенство в частной собственности, политическое и социальное неравенство привели к абсолютному неравенству при деспотизме.

С этого момента естественное состояние человека меняется на гражданское. Юридический результат замещения – существующее государство, но Руссо не удовлетворяет этот тезис, ведь «человек рождается свободным, но повсюду он в

⁴⁹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении неравенства. // Трактаты. М,1969. С.139

⁵⁰ Длугач Т. Б. Руссо и общественный договор // Историко-философский ежегодник. – 2013 (2012). С.178.

⁵¹ Там же. С. 182.

оковах»⁵². По убеждению мыслителя, первоначальный общественный договор возник в результате разделения общества на богатых и бедных. Таким образом, возникает имущественное неравенство; неравенство правителей и подвластных рождает возникновение политического неравенства; перерождение государства в деспотию привело к уничтожению защиты и гражданской свободы.

Справедливый общественный договор должен быть заключен на основе равенства сторон, к примеру, между равными субъектами, а не между правителями и подданными. С момента его заключения воля отдельного человека становится неотъемлемой частью общей воли всех. Сущностью такого договора, по Руссо, является принцип народного суверенитета, под которым понимается «общая воля, которая только и может управлять силами государства в соответствии с целью ее основания, каковым является общее благо». Данный принцип диктует, что суверен (народ) создает законы, но не связан с ними навсегда, для него даже общественный договор не является обязательным. Народ вправе не только изменить форму правления, но и вообще расторгнуть договор и вернуть себе естественную свободу. Из этого принципа логически вытекает право народа на восстание против тирании, обоснование будущей революции.

Идеалом управления для Руссо является демократическая республика, где в государственном законе был бы воплощен принцип равенства, а народ постоянно проверял бы деятельность своих представителей. Именно такое государство, по его доктрине, должно быть результатом общественного договора. Руссо фактически отрицает разделение властей, ведь суверен в лице народа осуществляет ее непосредственно, народный суверенитет является неограниченным, неотчуждаемым и неделимым.

Руссо с общественным договором связывает будущие свободы. По его теории, граждане, заключив общественный договор, приобретают гражданские права и обязанности. Индивидуальные права приобретают юридический характер и обеспечиваются объединенной силой всех граждан, а все участники договора

⁵² Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С.5.

остаются свободными и равноправными, объединяясь в народ. Главное, что интересы народа не могут противоречить интересам отдельных индивидов⁵³.

В своих трудах Руссо обосновывает народный суверенитет, считая, что он неотчуждаем и неделим. Только народ, как суверен, может осуществлять и фактически осуществляет законодательную власть. Сущность свободы граждан состоит в том, чтобы находиться под защитой законов, которые они сами принимают в конкретном государстве. Неотчуждаемость заключается в том, что коллективное решение не может не соотноситься с волей народа⁵⁴. Также свобода определяет защиту граждан законами, которые они приняли поэтому, Руссо полагает, что «любой закон, не утвержденный непосредственно народом, является недействительным; это вообще не закон». Участие всех граждан в законодательной власти исключает принятие решений, которые причинили вред отдельному индивиду. Верховная власть является воплощением общей воли граждан, следовательно, отпадает необходимость в ее ограничении естественными правами индивида.

Суверенная воля своей целью ставит достижение общего блага и является непоколебимым источником происхождения социальной справедливости. Согласно мнению Руссо, всеобщая воля раскрывается в общем законе, который не сводится к отдельным декретам или иным актам магистратур, ее содержание обретается интуитивно. По своему характеру она неуловима, представляет собой некую метафизическую субстанцию, которая может принять любое содержание в согласии с политическим решением, исходя из конкретной социальной ситуации. Идея народного суверенитета подспудно утверждает мысль о равенстве всех людей перед законом, однако закон представляет собой воплощение общей воли, в лице которой индивид предстает как безоружный и вынужден подчиняться ей.

Сам Руссо видел в общей воле опасность, связанную с безграничностью ее силы, поэтому призывал избегать предоставления ей любых институциональных

⁵³ Гройсберг А. И. Понятие «общей воли» в политическом учении Ж.-Ж. Руссо // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2011, № 5-2. С. 73.

⁵⁴ Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. № 6, 2016. С. 56.

форм. Поэтому им отрицается представительство, волеизъявление должно осуществляться непосредственно, либо же представители народа в парламентах должны быть подконтрольны со стороны избравших их граждан⁵⁵. Однако абстрактная общая воля не способна оградить народ как носитель суверена от тирании правителей. Все могущество подобного народного суверена на практике отнимается институтом — парламентом или правительством.

Итак, основываясь на анализе ранних политических теорий, можно сделать вывод о том, что концепции суверенитета Нового времени подразумевают консервативную и либеральную трактовки. Консервативная обосновывает монархический либо сословный суверенитет посредством авторитета монарха как его физического носителя и воплощение верховной власти. Такое обоснование свойственно для большинства династических монархий исследуемого периода. Роль народа же в политическом отношении согласно этим концепциям суверенитета пассивна и может быть сведена к легитимации существующего порядка посредством перманентно воспроизводимого согласия на передачу части своих прав суверену для осуществления общих интересов (безопасности, благосостояние). Консервативная интерпретация суверенитета исходит из триады монарх–закон–традиция (французский консерватизм, представленный Ж. Боденом, делает упор на первую составляющую, британский – на вторую и третью).

Исследователи подчеркивают, что еще Ж. Боден допускал существование суверенитета большинства как носителя верховной власти, но мыслитель отдал предпочтение персональному правлению монарха. Сильная вертикаль виделась как эффективное средство сохранения мира в охваченном религиозной войной государстве.

В эпоху раннего Нового времени, таким образом, складывается три основных взгляда на источник суверенитета среди которых: природный порядок, Бог и его воля или народ. Согласно первой теории источником суверенной власти является отцовская власть, которая свойственна человеку исходя из природного

⁵⁵ Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. / Руссо Жан Жак. Политические сочинения. СПб.: Изд-во «Росток», 2013. С. 524.

«естественного» порядка. Власть старшего над младшим оформляется в концепцию абсолютной власти монарха, которой придерживался Ж. Боден, совмещающая также и доктрину божественного происхождения власти суверена, считая источником суверенитета Бога. Отцовская власть, таким образом, дополняется согласием народа, которое является выражением воли Бога. Другая же концепция, сосредоточивающаяся на ограничении абсолютной власти, или же естественно-правовая концепция, видит в качестве единственного подлинного источника суверенитета народ. Правители получают свою власть в результате заключенного договора всех людей. Народ выступает как источник суверенитета, но в отличие от Гоббсовской концепции он уже не является подчиненным, лишенным права контроля над властью, но на постоянной основе осуществляет надзор за деятельностью правительства.

Найдя обоснование в концепции общественного договора Дж. Локка, естественные права оформляются со временем в концепцию народного суверенитета, радикальная форма которой представлена в теории Ж.-Ж. Руссо, отказывающейся от идеи представительства. Консервативная традиция проявляла попытки адаптации к прогрессивным изменениям, в то время как либеральная эволюционировала от идеи суверенитета народа к идее суверенитета нации как политического сообщества (которая актуальна в настоящая время и находит отражение и нормативное закрепление в Конституциях многих демократических государств)⁵⁶.

Концепции суверенитета в раннее Новое время наполняются содержанием, отражающим источник и пределы верховной власти – это ее независимость от внешних субъектов, неотчуждаемость, неделимость и возможность воплощать свою волю в политическом поле. Просвещение в своей политической практике взяло за основу концепт суверенитета, который был развит в Новое время, но видоизменило проблему подлинности и источника суверенитета, места его расположения, в проблему, касающуюся прав общества на участие в реализации

⁵⁶ Тимофеев И. Н. Модели и концепции суверенитета: конкуренция в пространстве и времени // Полития. №3(50) 2008. С. 189.

суверенной власти. Стоит отметить, что абсолютистские трактовки суверенитета как исключительного свойства власти, принадлежащей единому правителю, монарху, встречают ряд ограничений, которые пределом власти полагают сферу частной собственности или индивидуальной свободы граждан.

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ СУВЕРЕНИТЕТА

2.1. Теория государства Г. Еллинека:

релятивизация суверенитета как признака государства

Немецкий правовед Георг Еллинек достаточно основательно подходит к исследованию теории суверенитета. В своей работе «Общая теория государства» он глубоко анализирует историко-политические отношения, благодаря которым делает вывод о качественном состоянии суверенитета. Еллинек полагает, что первоначально «суверенитет» является продуктом политического, а уже исторические события трансформировали суверенитет в аспект правового⁵⁷.

Сравнивая современное государство с античным, правовед полагает, что существовали некие противоборствующие силы, которые препятствовали в установлении суверенной власти, а именно: церковь, Римская Империя и феодализм.

В средние века церковь принимала непосредственное и, даже, решающее участие в делах государства. Еллинек проследил характерную триаду, которая сложилась в отношениях между духовным органом и государством, где изначально государство было подчинено церковным законам, затем курс отношений сменился на равноправие между силой государства и могуществом церкви, а в последствии, государство выиграло данную борьбу, что характеризуется Авиньонским пленением пап, проходившим с 1309 года по 1377 год⁵⁸.

Римская Империя была второй преградой на пути формирования суверенности, по мнению Еллинека. Императорский титул Оттона Великого создавал иерархию, при которой все монархи, входящие в состав Священного союза, находились на нижестоящей ступени⁵⁹, поскольку только императору предоставлялись все права, в том числе издание законов, дарование титулов,

⁵⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 229.

⁵⁸ Овсиенко Ф.Г. Авиньонское пленение пап. Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1429997 (дата обращения: 30.04.2021)

⁵⁹ Вонсович Л.В. Оттон I Великий и королевская власть в Германии в X веке. Вестник могилёвского государственного университета им. Кулешова. 2001. № 2-3(9). С. 27-34.

которые открывали ряд привилегий для осуществления полномочий внутри государств.

Третьей силой Г. Еллинек называл феодализм. Ленная сила развивалась стремительно и, по своей сути, дискредитировала полностью наличие признаков государственности. Феодалам предоставлялась государственная власть, которая по своей характеристике имела частный образ, ведь получившие лены не от монарха были обязаны подчиняться своему заимодавцу. Таким образом, чтобы вернуть монарху свою единоличную власть было необходимо создать независимость от власти сеньоров, что фактически представляется полным разрушением всех самостоятельных политизированных институтов по отношению к правителю.

Исключительным оппонентом в борьбе с этими препятствующими государственности силам, являлась власть в лице монарха, поскольку только правитель мог объединить весь народ в эпоху Средних Веков. Происходит явная трансформация, в результате которой государство объединяет источники власти. Первоначально понятия единства и власти сопоставляют с империей, ограничивая высшим авторитетом папы. Князья и короли не знали в полном объеме, что же представляет собой суверенная власть, ведь конкретные государства не наделялись независимой властью, а просто характеризовались идеальным политическим образованием.

Королевское могущество зародилось на базисе французского государственного права. Стремительное развитие идеи свободы монарха замещает средневековый постулат единства империи и церкви. Французский юрист Шарль Грассай, будучи приверженцем монархии, опубликовал 208 атрибутов королевского величия, называя правителя «Вторым солнцем на земле», а также «божеством в телесном облики»⁶⁰. Таким образом, французский король становится обладателем своего высшего права, он не признает над собой доминирующей власти, в том числе и церковной, поскольку, правитель отождествляется с божеством и принимает непосредственное участие в духовной сфере.

⁶⁰ Арзаканян М.Ц. История Франции / Учебник для вузов. М.: Дрофа, 2005. С. 48.

Анализируя учение Бодена, Еллинек приходит к выводу, что французский юрист действительно первым формулирует понятие о суверенитете, однако оно имеет отрицательный характер, ведь власть, не имеющая правового закрепления между народом и правителем «ближайшим образом, означает только отрицание всего того, что претендует на значение самостоятельной власти над государством, рядом с ним или в нем: господствующей власти папы, империи, сословий»⁶¹. Так или иначе, идея суверенитета актуализируется только при борьбе государства за его неделимость. Суверенность, по мнению Еллинека, является производной от монархической формы правления, так как именно при ней появляется характерная борьба за государственность, а впоследствии и независимость.

Положительное содержание понятия дополняется теориями Гоббса, Локка и Руссо о том, что суверенитет выступает не только как историческая борьба, но и как возможность суверенности становится существенным элементом государственной власти, а также частью самого понятия государства⁶². Таким образом, отходя от абстрактности в вопросе представления власти суверена, изложенной Боденом, Еллинек релятивизирует саму теорию суверенитета, подтверждая тезисом, что теория «просто наблюдает ту суверенную личность, которую она видит во главе государства, перечисляет полномочия, принадлежащие ей в силу господствующего правопорядка, чтобы затем возвести их на степень существенных, необходимых по самому ее понятию элементов суверенной власти»⁶³, однако отождествление государственной власти и суверенности приводит к заблуждению в развитии теории о суверенитете в целом.

Характерным политическим развитием западноевропейского модерна является процесс поглощения государством публичных властей. Следовательно, именно государственно-абсолютистская концепция является основой для дальнейшего развития теории и адаптации ее в современную доктрину понятия государства. Это подтверждается устойчивым убеждением, что государство

⁶¹ Цит. по: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 239.

⁶² Там же. С. 239.

⁶³ Цит. по: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 243.

единственный носитель всей публичной власти, а, следовательно, – источник суверенитета.

Противники естественно-правовой концепции суверенитета государства, попытались развеять заблуждения, которые деформировали развитие концепта. Приводя исследование К.Ф. Гербера, Еллинек утверждает, что суверенитет – не всеобъемлющая власть, а лишь характерная часть публичной государственной власти. К тому же данному заблуждению присуще скрывание разных политических стремлений, которые характеризуют ту или иную форму правления.

Немецкий юрист выводит три основных признака суверенитета: первый – проявление воли и независимости вовне, то есть, установление отношений с другими суверенными державами. Второй признак характеризуется наличием внутренней политики государства, а также ее соотношениями с политическими институтами; третий признак, пожалуй, является самым масштабным, заключается он в отрицании природы самоограничения как такового, иными словами, повторяются основные идеи абсолютизма, где суверенная власть не имеет возможности быть ограниченной.

Подходя к правовому обоснованию, Еллинек излагает тезис о полном преобразовании теории суверенитета: «попытки конструировать суверенную власть как власть, стоящую над правом, противоречат поэтому историческому развитию теории суверенитета»⁶⁴, соответственно, должно сформироваться совершенно новое обоснование, ввиду того что естественно-правовая традиция не отражала реалий, которые бы соотносились с современной эпохой исследователя.

Правовая категория суверенности заключается в способности государственной власти реализовывать возможность к самоопределению, равно как и самоограничению путем установления правопорядка (самообязывания). Таким образом, подтверждается основа суверенности, выраженная абсолютистской традицией: суверенное государство не может быть подвержено каким-либо правовым ограничениям или же принудительным изменениям

⁶⁴ Цит. по: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 250.

собственного действующего правопорядка извне, кроме как по персональному волеизъявлению.

Любопытно, что категория норм международного права, которые, казалось бы, все-таки имеют авторитетный характер, по мнению Г. Кельзена, обосновываются Георгом Еллинеком также нестандартно – отвергая подчинение и дестабилизацию власти суверена. Государство, будучи связанным с нормами международного сообщества, безусловно, может признать эти нормы, однако подчинения, угрожающего суверенности не может быть совершено, поскольку признание норм являет собой волю.

Глубоко проанализировав генезис теории суверенитета античности, уделяя много внимания Новому времени, рассматривая спорные между собой теории суверенитета своих современников, Еллинек приходит к главному выводу: несмотря на то что для организации качественной суверенной власти лучшей формой правления, которая и возродила в целом весь концепт суверенитета, является абсолютная монархия, сам концепт суверенитета предстает исторической категорией.

2.2. Суверенитет государства в теории мирового правопорядка Г. Кельзена

В первой половине XX века концепция суверенитета вступила в стадию формализации, которая постепенно лишала ее любого оценочного содержания и, следовательно, нормативных ограничений, присущих ей со времен Локка. Суверенитет остается функцией или собственностью государства, или правового порядка, но он больше не может ограничиваться внешними ценностями.

Теория Ганса Кельзена, рассматривающая право как иерархический порядок норм, решает традиционную для классического позитивизма проблему обоснования действительности международного права Е.В. Тимошина,

ассоциирует данную теорию с «устранением»⁶⁵ суверена, где его основные роли передаются путем реализации действительности основной нормы.

Кельзен полагает, что нормативная система представляющая правопорядок имеет динамический характер. Нормы правопорядка устанавливаются процедурно. Конституция рассматривается как норма, которая создает векторы, определяющие, каким образом должны создаваться общие нормы правопорядка. Логично представить, что основная норма определяет весь процесс нормотворчества, следовательно, ее действие можно отождествить с ролью конституции. Основание действительности нормы базируется на содержании основной нормы и, соответственно, существующем государственном правопорядке.

Кельзен рассматривает создание нормы в виде определенного цикла, где каждая новая норма получает свой юридический статус от предыдущей, а элементом, который выступает двигателем этого цикла представляется основная норма. Именно она придает легитимный статус Конституции, которая регламентирует создание органов государственной власти, способных жизнеобеспечить правовую систему. Таким образом, право содержит в себе сущность порядка создания и применения норм, позволяя правовым институтам или их субъектам создавать нормативные акты в законном порядке, а сама институциональная структура создает правовой порядок, основой которого будет не сила принуждения, а действительная норма⁶⁶.

Чтобы избежать споров о том, что главенствует: право над государством или государство над правом, ученый отождествляет эти понятия. По его мнению, государство – централизованный правопорядок, органы управления которого осуществляют работу на основе создания норм, их вменения и соблюдения, так или иначе, наделяя государство правовым статусом, активируя функцию принуждения. Стоит отметить, что признанными государственными институтами будут лишь те органы, чьи действия или бездействия юридически представляются в качестве

⁶⁵ Тимошина Е. В. «Устранить суверена»: идея глобального правопорядка в европейской правовой традиции // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения. 2015. С. 563.

⁶⁶ Paulson S. L. The Weak Reading of Authority in Hans Kelsen's Pure Theory of Law // Law and Philosophy. 2000. № 19. P. 131-171.

действий государства, то есть те лица и органы, чьи действия и бездействия юридически приписываются, вменяются государству в силу норм права⁶⁷.

Международное право, равно как и внутригосударственное право, имеет иерархичную или «ступенчатую»⁶⁸ структуру. Создание норм международного права предлагается рассмотреть с позиции разделения на три ключевых уровня международного правопорядка.

Нижестоящий уровень системы международного права представляется в виде индивидуальных правовых норм, источником которых являются международные организации. Строгость выполнения данных норм обусловлена международными договорами, которыми определяются полномочиями и компетенциями международных организаций⁶⁹.

Средний уровень международного правопорядка составляют нормы международного сообщества; стоит заметить, что описанные уровни ограничены в сфере своей действительности, поскольку она распространяется исключительно на те государства, которые поддерживают тот или иной международно-правовой договор. Кельзен подчеркивает, что эти категории норм имеют императивный характер, которые и являются основой для международно-правового договора⁷⁰.

Верхний уровень основывается на обычном праве, иными словами, это ««первая конституция», т.е. та аксиоматическая основа, на которой возможно «нормативное понимание» процесса правогенеза и правоприменения в данном правовом порядке»⁷¹. Однако основная норма характеризуется как предположение, что обычай является источником права. Соответственно, данное мысленное условие позволяет реализовать возможность для непрерывной череды создания правовых актов. Ганс Кельзен вводит настоящее терминологическое понятие для того, чтобы остановить циркуляцию создания норм, путем выделения исходной,

⁶⁷ Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения о праве Ганса Кельзена // Труды Института государства и права Российской академии наук. №4. 2013. С. 172-195.

⁶⁸ Краевский А. А. Действенность и действительность международного права в чистом учении о праве // Вестник СПбГУ. Право. Т. 12 № 1. 2021. С. 192.

⁶⁹ Там же: С. 192.

⁷⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 319

⁷¹ Цит. по: Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения о праве Ганса Кельзена. 2013. С. 181.

которая рождает все последующие нормы, тем самым сдерживая регресс действительности.

Действенность и действительность являются аналогичными понятиям принципам эффективности и, соответственно, легитимности. Легитимность предполагает, что существование действительного правопорядка будет продолжаться до тех пор, пока они не изменятся или отменятся способом предусмотренным правопорядком. Принцип эффективности же выступает неким ограничением действительности, рассчитывая на соразмерность реальных событий⁷².

Зарождение позитивного международного права поставило сложный вопрос о соотношении международного и национального (внутригосударственного) права в чистой теории права Кельзена, а также проблеме согласования понятия государственного суверенитета. Согласно данным соотношениям, существуют два вида регулирования этих правовых отношений; первый вид обусловлен единством системы и предмета регулирования внутригосударственного и международного права, отражая монистическую концепцию. Один из аргументов, на который опирался Кельзен в своих размышлениях о логической возможности государственного монизма заключался в том, что ни один предмет не может быть выведен за рамки любой правовой системы. Уже отмеченный позитивный аспект этой доктрины заключается в том, что любая человеческая ситуация может быть интернационализирована, т.е. охвачена международным правом. Но есть и другое следствие всеохватывающей сферы действия любого монистического правового порядка – способность государственного права управлять межгосударственными отношениями⁷³. Второй вид связывает отношения субъектов, являющихся акторами национального права, иными словами юридических и физических лиц. Таким образом, как заключает Краевский А. А. «международное и

⁷² Kelsen H. *General Theory of Law and State* // Law and society series. Transaction Publishers. 2006. P. 118.

⁷³ Kelsen H. *Théorie du droit international public* // Collected Courses of the Hauge Academy of International Law. 1953. P. 79-85.

внутригосударственное право представляют собой два разных правопорядка, между нормами которых не может быть противоречий»⁷⁴.

Ганс Кельзен представил позитивистскую парадигму, которая противостояла классической идее о том, что каждое государство является суверенным в том смысле, что оно не подчиняется никакому навязанному извне закону. Действительно, Кельзен завершает свою работу, выступая за радикальное подавление концепции суверенитета в правовом мышлении, если, как он считал желательным, государства будут воспринимать друг друга как равные субъекты в рамках международной правовой системы. Согласно Кельзену, правовая система представляет собой иерархию норм, где действительность каждой нормы прослеживается через норму более высокого порядка, пока не будет достигнута основная норма системы. Такой порядок свободен от противоречий, поскольку любое кажущееся противоречие между двумя нормами будет разрешено нормой более высокого порядка, которая дает должностному лицу право принимать обязательное решение. Действительность основной или конституционной нормы, однако, не может быть прослежена до какой-либо другой нормы, и, по утверждению Кельзена, ее действительность, следовательно, должна предполагаться. Таким образом, суверенитет не является свободой от права, как в классической концепции, поскольку это юридически оформленное свойство, относящееся к идентичности конкретной правовой системы. Таким образом, Кельзен предлагает не столько парадигму для понимания суверенитета, сколько парадигму для понимания правового порядка, который не рассматривает суверенитет в качестве организующего понятия для правовой теории.

⁷⁴ Цит. по: Краевский А. А. Действительность и действительность международного права в чистом учении о праве. 2021. С 197.

2.3. Концепция суверенитета К. Шмитта.

Идеологические разногласия с теорией Г. Кельзена

Карл Шмитт разрабатывал понятие суверенитета в традиции веберовской концепции права государства на легитимное насилие. Шмитт утверждает абсолютное право суверена на самостоятельность и независимость принятия решений в чрезвычайной ситуации. Именно суверен может решить, возможно ли приостановление действия конституции в каждый конкретный момент.

Определяя понятие суверенитета, Шмитт настаивает на том, что он является неотделимым от государства и власти соответственно, придерживаясь взглядов Бодена и Гоббса. В его понимании концепт «суверенитета» несколько сужается, поскольку он сводится к абсолютизируемому праву государства на легитимное насилие⁷⁵.

Фундаментальная методологическая установка, использованная К. Шмиттом подразумевает, что совокупность понятий, представленных в современной теории права и государства есть секуляризованные теологические понятия. Данная секуляризация обусловлена историческим развитием – из теологии они перекочевали в теорию государства и права, сохраняя при этом отголоски теологических смыслов. Также имела место «систематическая структура» - способ их организации в социальном пространстве. Чрезвычайное положение в юридическом пространстве аналогично значению чуда в теологии. Только рассматривая понятия через подобные аналогии, предоставляется возможность отследить ход развития концептов⁷⁶.

Следующим этапом Шмитт вводит «социологию понятия», В. Е. Кондуров отмечает, что данная терминология отражает структуру и устанавливает взаимосвязь с метафизической картиной мира эпохи⁷⁷. Благодаря этой установке предоставляется возможность комплексно построить научное знание о природе и

⁷⁵ Курочкин А. В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, № 12(26). С. 96.

⁷⁶ Белоусова И. В. Суверенность, свобода и политический романтизм в контексте XX века. СПб., 2017. С. 29.

⁷⁷ Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 58.

понятии суверенитета, устанавливая тождество теологического и юридического аспектов в понятии суверенитета.

Политическая теология, разрабатываемая как альтернативная дисциплина в XX веке, определяющая сущностные понятия природы политического, уделяет суверену место некоего политического божества по аналогии с религиозным Богом. Антропологическое описание исторических представлений о верховной власти подтверждает данную точку зрения⁷⁸.

Действительность правопорядка, на котором основывается суверенитет, является критерием для обоснования трех видов юридического мышления или политико-правовой идеологии: мышление о праве как о норме (нормативизм); мышление о праве как о решении (децизионизм); мышление о праве как о конкретном порядке и форме.

Децизионизм Шмитта предполагает основанием действительности правопорядка личное решение, которое принимает суверен, в отличие от концепции нормативизма, в которой господствует безличная норма. Мышление же о конкретном порядке включает в себя не только иерархии статусов, конкретных политических и правовых институтов, но также и идеальные типы, которые формируют данные институты, выступают источником действующих правил их функционирования и реализации: различные символы, представления о достоинстве и чести и т. д.⁷⁹.

Решение, на котором основываются правопорядок и его действительность – это не сам по себе отдаваемый формальный приказ, но и вместе с тем «авторитет и суверенитет конкретного решения, которое принимается вместе с приказом»⁸⁰. При этом содержание решения не ограничивается каким-либо порядком или нормой, оно не может быть объяснено, поскольку возникает не из существовавшего прежде решения порядка, а творится из «нормативного ничто».

⁷⁸ Подробнее об этом см.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. 744 с.

⁷⁹ Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 67.

⁸⁰ Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдошова. М., 2013. С. 323.

В работе «Политическая теология» 1922 г. децизионизм Шмитта достигает кульминационного развития. В разрабатываемой философом теории суверенитета решение о принимаемом чрезвычайном положении наделяет лицо статусом суверена⁸¹. Характерна амбивалентность природы принимаемого решения, поскольку оно принадлежит к двум онтологическим пространствам: политическому и правовому, т.к. призвано остановить действующий правопорядок во имя его спасения. Очевидно в данном случае, что политическая воля приобретает в текущей ситуации верх над безличной нормой установленного соглашения правопорядка.

Важно подчеркнуть, что поскольку суверен наделен правом принимать решение о введении чрезвычайного положения, последовавшего в ситуации крайнего случая, то он также волен принять решение, отменяющее чрезвычайное положение, то есть восстановить действующий правопорядок. Суверен определяет на свое усмотрение, когда «крайний случай» преодолен, а из этого следует, что его решение учреждает сам правопорядок и основы функционирования институтов государства в «нормальном» состоянии. При этом чрезвычайное положение всегда потенциально сохраняется в структуре правового порядка, оно заложено в действующий политический режим на случай наступления исключительного события, воспользовавшись им, суверен сможет реализовать общее благо.

Суверен в концепции Шмитта, таким образом, привязан к ситуации крайнего случая, когда существует опасность для установленного политического и правового порядка. Важна при этом специфика самой природы «политического», которое представляется как процессуальное и выражается в интенсивном различении «друга» и «врага» – публичных субъектов, которые выступают по разные стороны конфликта⁸².

Под «политическим» подразумевается также радикальное разделение на группы: партии, классы, союзы и др., которое несет в себе угрозу нормально функционирующему правопорядку, так как всегда существует продолжительный

⁸¹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 15.

⁸² Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука. 2016. С. 301–304.

конфликт между данными группами, между «друзьями» и «врагами», которые сосредоточены как внутри государства, так и за его пределами. «Политическое» не поддается устранению, оно всегда наличествует, поскольку конфликт потенциально может достигнуть такой степени интенсивности борьбы и столкновения, что физическое уничтожение станет реальной перспективой для конкурирующих публичных субъектов.

Шмитт ввел понятие политического в политико-философский дискурс по вполне оправданным причинам, так как в начале XX века история поставила политиков перед невозможностью отождествления политики с конкретными политическими институтами, учреждениями и практиками, обусловленными местом и временем, одновременно с содержащимися в них идейными и сущностными компонентами как специфической человеческой деятельности.

Политическое не могло для К. Шмитта сводиться к системе властных отношений, так как это задает некую статичность образам власти. Мир социальных отношений переменчив и находится в постоянном движении, поэтому во всем происходящем ровно столько политики, сколько существует в конкретном контексте уникальных решений, которые принимаются в ответ на возникающие чрезвычайные ситуации. Развитие общества обусловлено постоянным обнаружением нового, в этом поиске прерогатива отведена «вождям», ввиду того что существующие правовые институты, соглашения или универсальные принципы не могут быть ответственны за появление чего-либо нового⁸³.

Сама человеческая природа не исключает из общественной жизни феномен насилия, поэтому у людей есть прирожденная способность вступать в объединения по признаку деления на «свой-чужой», «друг-враг», создавать союзы «против» или «за» кого-то. Насилие сопутствует политике, по сути оно носит политический характер, так как исходит из сущностной природы человека.

В концепции Шмитта учредительная власть связана с насилием и пребывает за пределами государства, поэтому ничем ему не обязана. Наравне с ней

⁸³ Мюрберг И. Ю. Карл Поппер, свобода и дискурс «политического». Вопросы философии. 2010. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=232&Itemid=52 (дата обращения: 05.05.2021)

существует учреждающая власть, которая пребывает в структуре государства, а потому не может быть отделена от установленного конституционного порядка. Конституция содержит в себе основания учредительной власти, в то время как суверенная власть является предпосылкой для власти учреждающей, суверенная власть в этом смысле есть некое естественное состояние, которое имеет лишь одностороннюю связь с правовым состоянием государства. Таким образом, суверенная власть представляет собой дистинкцию власти учредительной и учрежденной.

Учредительная власть есть политическая воля, которая находится выше всех конституциональных процедур, несводимых к сфере применения норм и отличающаяся от власти суверенной. Данная власть представляет собой акт выбора, но не конституирует институты учрежденной власти, не является суверенной властью, поскольку последняя представляет собой предел свободы для власти учредительной.

Суверен постоянно заявляет о своей исключительной способности проводить различие закона и природы, но в действительности на деле оказывается, что он постоянно их переплетает, делая практически неразличимыми. В диалектике постоянного политического действия возникает связь между чрезвычайным положением, которое отличается от «нормального» и связывающим насильем, утверждающим правовой порядок.

При этом суверенное насилие учреждает право, т.к. оно утверждает законность действия, которое в противном случае было бы незаконным, и вместе с тем поддерживает его, т.к. содержанием нового права является лишь поддержание старого⁸⁴.

Деление на друзей и врагов обозначает высшую степень соединения или разделения, в этом смысле на нем базируется политическое, концентрируясь на понятии власти. Пользоваться политической властью в полном смысле может исключительно суверен – как субъект, который воплощает в себе суверенитет, тот,

⁸⁴ Исаев И.А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Русский закон. 2016, № 5(114). С. 24–25.

чье разделение на «друзей» и «врагов» принимается всем сообществом, и кто уполномочен принимать решение о чрезвычайном положении. Для К. Шмитта «суверенитет» (или «реальная власть») стоит выше правления на основе закона⁸⁵ – «суверенитет есть высшая, независимая от закона, не выводимая власть»⁸⁶.

За пределами принимаемого суверенного решения наличествуют публичные общности, которые пытаются установить конкретные порядки, но точку в их борьбе и противостоянии ставит суверен, который своим решением разрешает спор о праве и политическом порядке.

Одной из неотъемлемых функций суверена по отношению к существующему политическому порядку является то, что он выступает гарантом конституции «в институциональном смысле». Суверен – подлинный и единственный гарант конституции, глава государства, который охраняет ее посредством своих чрезвычайных и потенциально беспредельных полномочий, выражаемых в принимаемых им решениях⁸⁷.

Глава государства, являющийся гарантом конституции способен пресечь любое стихийно возникшее неповиновение, любое право на сопротивление, обеспечить постоянство, единство и нерушимость правопорядка государства.

Именно учение о суверенитете породило понимание К. Шмиттом статуса президента как гаранта конституции. Суверен является, исходя из данного учения, субъектом, принимающим решение, которое обосновывает правопорядок, политический режим, а также гарантирует его действительность. Суверен актуализируется, наделяется сверхполномочиями в ситуации крайнего случая и в своих решениях руководствуется соображениями «общественного спасения». Любое его действие, которое приостанавливает реализацию положений конституции, имеет целью не уничтожить государственный порядок, но спасти и сохранить его⁸⁸.

⁸⁵ Макарычев А.С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // Политэкс. 2010. Т. 6, №4, С. 22–52.

⁸⁶ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 31.

⁸⁷ Кондуров В.Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 72.

⁸⁸ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 17.

К. Шмитт определяет суверенитет в качестве «понятия предельной сферы», что означает «крайнее выражение того, что остается в пределах границы, но является при этом чрезвычайным». Можно предположить, что суверен первоначально задан в рамках установленного порядка, хотя и пребывает на его крайних границах, при этом он находится в перманентном состоянии противостояния неконтролируемой стихии «политического», которая способна в любой момент уничтожить неосновательное единство государства и сломить действующую конституцию⁸⁹.

Институциональные аспекты главы государства, являющегося гарантом конституции – это частный случай или конкретно-историческое проявление идеи К. Шмитта о неустрашимости суверена, противопоставление идее нормативизма, которая стремится заменить господство суверена безличным господством нормы⁹⁰.

Параллель между должностью президента и образом суверена четко обозначена К. Шмиттом в «Гаранте конституции», в которой президент наделяется атрибутами суверена, а в «Политической теологии» рассуждения о президентских полномочиях помещены в контекст размышлений о суверене. Президент обладает правом суверенного решения как гарант конституции, в этом смысле установленный политический и правовой порядок может быть действительным только в случае гарантии решения суверенного лица. В целом это подтверждает то положение, что «мышление о конкретном порядке» не исключает решение суверена, но включает его в себя.

Суверен одновременно с решением об остановке правопорядка решает вопрос о фактическом составе крайнего случая, а значит, и о том, кто является врагом политического единства, в чем заключается угроза правопорядку.

Предыдущий тезис резко критикует позицию Ганса Кельзена и его «чистую» теорию о суверенитете. Разбирая догму суверенитета, Шмитт пишет о том, что его современники пытаются рассмотреть данное понятие только с одной – юридической или социологической – стороны, упоминая Г. Кельзена, Г. Еллинека.

⁸⁹ Филиппов А. Комментарии // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. С. 317.

⁹⁰ Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика. С. 44.

По его мнению, это невозможно, поскольку «государство – это не только не зачинатель, но и не источник правопорядка»⁹¹, на чем настаивал Кельзен.

Проводя сравнение обоснованности государства с точкой вменения, данная аналогия представляется «не выводимым ни из чего порядком»⁹², поскольку создается множество порядков, следовательно, государство становится идентично своей конституции, тому, что Кельзен называет основной нормой.

Для Шмитта остается вопрос, почему единство позитивного действующего правопорядка может оставаться «отчищенным» от смежных дисциплин, если он характеризуется «системой», что априорно имеет социально-политическую составляющую. Аргументация Кельзеном чистоты юриспруденции находит во мнении Шмитта то, что чистоту права можно рассматривать только с объективной точки зрения, но никак не с фактическими реалиями.

Карл Шмитт рассматривал Кельзена как неявного последователя Х. Краббе, они оба отрицали необходимость существования суверенитета, немецкий юрист считает, что обезличивание государства в их концептах о суверенитете отрицается невозможностью правовой идеи реализовывать себя самостоятельно, поскольку процесс реализации решений лежит на определенных компетентных инстанциях. Также Шмитт критикует теорию вменения Г. Кельзена: вменение реализуется не с помощью нормы, а из вменения рождается норма и ее нормативное обоснование ее правильности⁹³.

Теория суверенитета Карла Шмитта, которая придает наибольшее значение таким элементам государственной теории как «принятие решения» и «чрезвычайное положение», иллюстрирует то, как экстремальная ситуация способна породить наивысшую власть суверена, который призван преодолеть устоявшийся нормативный порядок, отменить действие конституции и задать принципиально новые рамки определения «друзей» и «врагов» – что лежит в основе самой сущности феномена политического.

⁹¹ См.: Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. С. 34.

⁹² Там же: С. 34.

⁹³ Там же: С. 52.

ГЛАВА III. НОВЕЙШИЕ ИДЕИ СУВЕРЕНИТЕТА

3.1. Теория суверенитета и *Homo Sacer* Дж. Агамбена

Итальянский философ Джорджо Агамбен в своей работе «*Homo Sacer*» проводит анализ суверенности, демонстрируя, что суверенность конструирована таким же образом, как структурируется высказывание или предикация. Суверенность любого субъекта обусловлена тем, что он всегда является своим собственным предикатом и вместе с тем исключением. Сущность проявляется только в понятиях исключительности, а потому совпадает с понятием исключения. И данное совпадение парадоксально, поскольку само исключение начинает становиться правилом. То, что для Шмитта являлось чрезвычайной ситуацией, входит в обыденную политическую жизнь и становится нормой. Поэтому суверенитет, как считает Агамбен, являет собой «чрезвычайное положение как постоянную структуру»⁹⁴. Если верховная власть полагает своей основой исключение, то в данном случае не представляется возможным произвести различие между исключительным, то есть чрезвычайным и сущностным. Структура абсолютной власти предполагает некую цикличную форму вечного возвращения, внутри которой случайность, чрезвычайность и сущность, обыденность, совпадают, как закон и исключение.

Агамбен считает, что современная форма суверенности основана на устранении различия между двумя определениями жизни, *bios* и *zoe*, определенным образом жизни и голой жизнью. Обыденная жизнь с ее материальным измерением и физиологическими особенностями становится в современной жизни неразличимой с символической жизнью – всей совокупностью культурной деятельности человека. А потому суверен распоряжается обоими измерениями этой жизни, подчиняя человека определенному заданному политическому порядку, в котором случайность становится нормой⁹⁵.

⁹⁴ Агамбен Дж. *Homo Sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С. 54.

⁹⁵ Oliwniak S. Foucault and Agamben: Law as inclusive/exclusive discourse. *Studies in logic, grammar and rhetoric*. 2011, 26(39): 49–62.

Как отмечает Агамбен: «голая жизнь, или *bios* теперь находится в центре внимания государства; она в самом деле перекрывает сферу политики. Биовласть, которая использует методы скрытого доминирования и нормализации, направленные на подчинение человеческого тела, теперь действует явно открытым образом»⁹⁶.

В работе «Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления» Дж. Агамбен пытается отойти от традиционного способа рассмотрения управленческой системы, обращаясь к изучению культурологического ореола или «культурного обрамления» (по К. Гирцу) власти, считая, что методы политических и социологических исследований обрекают исследователей на банальные ответы. При помощи теологического аспекта Агамбену удастся сделать различие в отношении между ойкономией и Славой того, что он называет «предельной структурой западной управленческой машины»⁹⁷.

Джорджио Агамбен выстраивает четкую связь между Славой, правлением и ойкономией, подчеркивая, что функция аккламации и самой Славы в ее современной форме – общественное мнение и согласие – находится в центре политических диспозитивов современных демократий. Роль СМИ в контексте управления Агамбеном подчеркивается в силу не контроля общественного мнения, а как раз распространения Славы – рукоплесканий и славословия власти, которые, как считается, изжили себя в Новое время, а в действительности обретают новую форму: общество спектакля (ср. концепцию символической политики М. Эдельмана и др.⁹⁸). Особая задача современных демократий – отождествление славы с ойкономией в форме бурного согласия. Однако в центре управленческой системы, самой политики – то, что Агамбен называет тронем – находится пустота: все действия в сфере политического неизбежно обращают в бездеятельность все человеческие и божественные дела⁹⁹.

⁹⁶ Calarco M. Giorgio Agamben: Sovereignty and Life. Stanford University Press, 2007. pp. 203–228.

⁹⁷ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. 2019. С. 10.

⁹⁸ О демократии как обществе спектакля и зрелище см.: Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.

⁹⁹ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления, 2019. С. 12.

По мысли Агамбена, изначально теологические истоки экономики как совокупности практик, направленных на непрерывное управление индивидами ради спасения, будут скрыто обуславливать становление того рода власти, который достигнет своей парадигматической формы в системе управления.

Именно в языке, как показывает Агамбен, коренится нечто определяющее природу властных отношений, присущих конкретной эпохе. В современном мире происходит становление власти в форме экономики, то есть управления людьми и вещами¹⁰⁰.

Агамбен, опираясь на теоретические конструкции М. Фуко, констатирует, что в западном мире возникает специфическая форма власти, отличная от пастырства и суверенитета, а именно управленчество. Тезис о том, что в средневековой мысли суверенитет и управление были неразделимы, Фуко подкрепляет ссылкой на трактат «De Regno» Фомы Аквинского, в котором провозглашается абсолютное тождество между божественным управлением миром и правлением, осуществляемым монархом.

Человек автономен в этой специфической деятельности, не находя ее образца ни у Бога, ни у природы. Именно этим фактом, влекущим за собой разрыв между функцией суверена и функцией управления, Фуко обосновывает зарождение управленчества. Он описывает его как «процесс, в рамках которого управление начинает отеснять простое установление правил на задний план, вследствие чего у сторонников ограничения королевской власти в один прекрасный день появится возможность заявить: «Король царствует, но не правит»¹⁰¹.

Учение об ойкономии и проистекающее из него учение о провидении служат обоснованию управления миром; но истинно и обратное, а именно, что рождение управленческой парадигмы становится понятным лишь в свете экономико-теологического характера провидения¹⁰².

¹⁰⁰ Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка // Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. С. 489.

¹⁰¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. С. 114.

¹⁰² Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка С. 492–493.

Переход от пастырства к политическому управлению «...становится куда более понятным, если рассматривать его как секуляризацию всего того, что в средневековых трактатах составляло материал для теории божественного управления миром»¹⁰³.

Агамбен выводит две политические парадигмы, которые берут свое начало в христианской теологии: политическая теология, утверждающая трансцендентность суверенной власти, и экономическая теология, которая заменяет данную идею концепцией ойкономии в смысле имманентного порядка не политического, а домашнего, как духовной, так и человеческой жизни. Первая парадигма определяет начало политической философии и современной теории суверенитета, вторая же задает основы современной биополитики, которая сопровождается триумфом экономики и управления над остальными аспектами социальной жизни.

Функционирование административной системы или управленческой машины, как ее определяет Дж. Агамбен, в западном мире структурно сосредоточивается на двух уровнях: *dignitas* и *administratio* – царство и правление. Первая модель управления людьми определяется старой формой территориального суверенитета. Вторая – сохраняет оба элемента с их особыми идентичностями, но случайности действий сопутствует свобода суверенного решения. Опираясь на исследования М. Фуко «Безопасность. Территория. Население», Агамбен подчеркивает, что власть осуществлялась исторически в форме «экономики душ», политическое же управление было направлено на распоряжение телами граждан – отсюда и произрастают биополитические концепции современного управления¹⁰⁴.

Разрыв между Царством и Правлением – ключевая характеристика христианской доктрины, поскольку он представляет собой прямое следствие раскола между бытием и праксисом, который экономическая парадигма призвана как восполнить, так и обосновать¹⁰⁵.

¹⁰³ Там же. С. 492–493.

¹⁰⁴ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 30–51.

¹⁰⁵ Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка. 2019. С. 494.

Разграничивая законодательную и исполнительную власть, то есть власть суверенную и непосредственно управление, современное государство перенимает двойную структуру управленческой машины. Таким образом, государство поочередно выполняет то функции царства – некоего трансцендентного и универсального законодательства, то функции правления – распоряжения экономической и политической сферой¹⁰⁶.

Отсюда Агамбеном выстраивается несколько функциональных крупных политических организмов: Государство-провидение и Государство-судьба, которое постепенно начинает отождествлять себя с образом современного правового Государства, внутри которого администрирование регулируется законом, а сам административный аппарат направлен на применение и исполнение закона. Ключевым же элементом этой системы остается ойкономия – управление людьми и вещами. Все современные демократии направлены на экономическое распоряжение и управление – и в этом Агамбен усматривает неотъемлемую часть теологического наследия, хранительницами которого и являются демократии¹⁰⁷.

В «Homo Sacer» Агамбен утверждает, что, если субъективность человека определяется его отношением отказа от закона, который предполагает исключительное включение голой жизни в его основу, то призывы к «человечности» перед лицом политического насилия служат лишь переосмыслению политизации (голой) жизни, которая лежит в основе суверенной власти. Другими словами, обращение к святости человеческой жизни как к нарушению права суверена на смерть удваивает право этого суверена на смерть. Агамбен пишет: «Гуманитарные организации... могут воспринимать человеческую жизнь только как фигуру обнаженной или священной жизни, и поэтому, несмотря на себя, поддерживают тайную солидарность с теми силами, с которыми они должны бороться»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. С. 184–186, С. 239.

¹⁰⁷ Там же. С. 240.

¹⁰⁸ Brenn M. Reinterpreting (bio)Politics: Potentiality, Profanation, and Play in the Thought of Giorgio Agamben. MA Thesis. Ohio State University. 2013. Режим доступа: https://www.academia.edu/4606198/Reinterpreting_bio_Politics_Potentiality_Profanation_and_Play_in_the_Thought_of_Giorgio_Agamben (дата обращения: 08.05.2021)

Возможность управления обеспечивается интеграцией и координацией в рамках биополярного механизма (коим и является провидение) имманентной ангельской власти, в качестве исполнительной оперирующей на уровне частного, и трансцендентной божественной власти, выступающей в качестве универсальной законодательной¹⁰⁹.

Полемизируя со Шмиттом, Агамбен утверждает, что аккламации современных демократий противоположны либеральной практике секретного голосования, которая лишает суверенного субъекта его учредительной власти¹¹⁰.

По мнению Агамбена, современная политика получает в наследство весь экономико-провиденциальный аппарат – все то, что служило для обеспечения единства существа и деятельности Бога. Теперь стратегическая функция этого наследия – примирение суверенитета и всеобщности закона с общественной экономикой и фактическим управлением отдельных людей.

Итальянский философ выводит два вида суверенитета: династический и народно-демократический, отмечая, что подлинная проблема и сокровенная тайна политики – это не суверенитет, а система управления: «не Бог, а ангел, не царь, а министр, не закон, а полиция» – то есть сам управленческий механизм, который конструирует работу власти. Важно не обладание властью, а само распоряжение ею. И в этом идеи Агамбена схожи с представлениями М. Фуко, который считал, что власть рассеивается в обществе во множестве микропрактик власти и управления.

Династический суверенитет традиционно был основан на божественном праве – это и есть предмет политической теологии К. Шмитта, а именно суверен, стоящий выше закона. Происхождение династического суверенитета очевидно – это теолого-политическая парадигма, в то время как народно-демократический суверенитет проистекает из парадигмы теолого-экономико-провиденциальной. Анализ концепции суверенитета и политической экономии Руссо позволяет приблизиться к пониманию того, что чрезвычайное положение, которое активно

¹⁰⁹ Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка. С. 504.

¹¹⁰ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. С. 287.

прорабатывал в своей теории К. Шмитт, является неотъемлемой частью политической реальности государства. Суверенитет Закона обеспечивает согласие правящих и управляемых¹¹¹.

На сегодняшний момент в мире, по мнению Дж. Агамбена, наблюдается доминирование управления и экономики над суверенитетом народа, который превратился в пустую оболочку, а значит, в мир включаются политические проявления теологического наследия.

Суверенная власть современного института президентства, начиная с середины XX века, имеет в своем политическом словаре в качестве неотъемлемой части метафору войны, поскольку президент зачастую выносит решения о чрезвычайных ситуациях, связанных с боевыми действиями. Верховная власть носит аномийную природу, поскольку есть «живое воплощение закона»¹¹².

Выводы, к которым приходит Агамбен, кардинально противоположны заключениям Шмитта, который в теологии находит подлинное основание современной политики. Принципиально важным является тот факт, что смещение значения вплоть до полной его трансформации в случае секуляризованных концептов – лишь иллюзия, через которую экономика, констатирующая себя как политика (политика на Западе, по мысли Агамбена, неизбежно обретает форму экономики), пытается, более или менее успешно, скрыть свои корни – ориентируя интерпретацию знаков в определенном направлении¹¹³.

3.1. Идея позднего суверенитета Н. Уолкера

Современный подход к понятию суверенитета в книге «Sovereignty in Transition»¹¹⁴ отразил шотландский юрист и профессор Эдинбургского университета Нил Уолкер. Сборник эссе правоведов разделен на три части: первая часть концентрируется на теоретической основе понятия суверенитета; вторая

¹¹¹ Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. С. 453-454.

¹¹² Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Чрезвычайное положение. С. 128.

¹¹³ Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка. С. 500.

¹¹⁴ Walker N. *Sovereignty in Transition*. Oxford: Hart publishing. 2003. – 556 p.

представляет геополитический взгляд на развитие теории суверенитета; третья часть анализирует суверенность в контексте взаимодействия с Европейским сообществом.

В своем эссе «Поздний суверенитет в Европейском Союзе», Уолкер определяет суверенитет как дискурсивную форму, в которой выражается утверждение относительно существования и характера верховной распорядительной власти для конкретного государства. Она призвана устанавливать и поддерживать идентичность и статус конкретного политико-правового устройства, а также обеспечивать постоянный источник и средство высшей власти для правопорядка.

Некоторые исследователи по мнению Уолкера стремятся отвергнуть или маргинализировать суверенитет как неактуальный. Первая позиция основана на предпосылке, что в мире существуют многие цепи власти и действуют они вне прямого контроля суверенного государства, эта тенденция явно усугубляется процессами глобализации или транснационализации производительных сил, обмена информацией, политических возможностей, социальных идентичностей. Аналогичного мнения придерживается И.И. Осветимская, полагая, что процесс глобализации осложняет понятие природы и сам характер суверенитета¹¹⁵. Суверенитет занимает все более низкое место в реестре объяснительных переменных, на которые можно сослаться, чтобы понять смысл этого мира. Уолкер считает, что за этим утверждением кроются определенные заблуждения и сомнительные допущения, которые можно выявить, развивая имплицитное в данном определении предположение о том, что суверенитет подразумевает речевой акт как притязание на власть¹¹⁶.

Уолкером отмечается, что аргумент о нерелевантности включает в себя «описательное заблуждение», которое представляет то, что понятие суверенитета должно быть измеряемым и описываться в терминах независимой и объективной реальности. Предполагается, что суверенитет обозначает фактическую

¹¹⁵ Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С.154.

¹¹⁶ Walker N. Late Sovereignty in the European Union // *Sovereignty in Transition*. – Oxford: Hart publishing. 2003. p. 8.

способность государства сохранять полный внутренний контроль и внешнюю независимость, но в связи с глобализационными тенденциями все меньше и меньше реальности соответствует идее суверенного государства. Эмпирическое допущение, лежащее в основе этого подхода, имеет тенденцию идти рука об руку с тем, что можно назвать «ошибкой абстракции». В этом случае чаще всего просто предполагается, что суверенитет является особым средством власти с точки зрения типа и полноты полномочий, на которые он претендует, т.е. в его утверждении высшей распорядительной или регулятивной власти, в той степени, в которой он соперничает по интенсивности с другими формами власти, его отличительная характеристика, а значит и сама концептуальная значимость исчезает и становится периферийной¹¹⁷.

Такой подход предполагает, что спокойствие суверенитета как всеохватывающей рамки для власти, как власти над властью, означает, что анализ концепции суверенитета должен экстраполироваться на функционирование власти в целом. Иными словами, предполагается, что «власть» является ключевым абстрактным, конкретным экземпляром, который транслирует суверенную власть, экономическую власть, символическую власть и т.д., и, следовательно, их можно сравнивать и соизмерять друг с другом в рамках единой метрики власти. Однако, по мнению Н. Уолкера, это имеет не больше смысла, чем утверждать, что претензия на обеспечение всеобъемлющих рамок нормативного порядка зависит от доминирования и подчинения всех других форм правопорядка. В обоих случаях это понимание доступно с самых разных теоретических точек зрения, от теории систем до юридического позитивизма. Притязания и способность основной или аксиоматической идеи к оформлению и упорядочению не зависят от того, что среда или поведенческое поле, созерцаемое основной или аксиоматической идеей, напрямую или исчерпывающе контролируется, или определяется этой идеей.

Суверенитет не соответствует какому-то состоянию дел в независимо верифицируемом материальном мире и не сопоставим с другими конкретными артикуляциями абстрактного понятия власти. Скорее представляется как речевой

¹¹⁷ Besson S. Book review Sovereignty in Transition // International Journal Law. Vol. 3, № 1. 2005 P. 154.

акт, его способность изменить мир зависит от его правдоподобности и принятия как способа познания и упорядочивания мира, что, в свою очередь, зависит от его статуса как институционального факта, подлинность и достоверность которого зависит от усвоения ключевыми акторами комплекса правил и ожиданий, которые поддерживают и подписывают суверенные притязания.

Иной проблемой теории суверенитета является толкование понятия как расплывчатого и многозначного (полисемичного), следовательно, априорно лишенное концептуального ядра.

Так, приводя позицию С. Краснера, который утверждал о существовании четырех различных значений суверенитета, не связанных между собой логически и не совпадающих на практике: внутренний суверенитет, суверенитет взаимозависимости, международно-правовой суверенитет и Вестфальский суверенитет¹¹⁸. Он приравнивал суверенитет не к общим притязаниям на упорядочение, а к контролю над деятельностью в политических отношениях, продвигая идею взаимозависимости. Иными словами, способностью или неспособностью национальных властей регулировать потоки капитала, товаров, людей, услуг, идей через национальные границы, что имеет тенденцию поддаваться заблуждениям описания и абстракции, следовательно, данная интенция может быть опровергнута.

Внутренний суверенитет представляет собой реализацию этой основной претензии во внутренней сфере, международно-правовой суверенитет представляет собой ее реализацию во внешней сфере, а Вестфальский суверенитет, определенный Краснером как принцип невмешательства, представляет собой один из ключевых аспектов, по-разному интерпретируемых и квалифицируемых, претензии на суверенитет во внешней сфере¹¹⁹. Их истинная согласованность заключается в их отдельных отношениях и общем происхождении из глубокого основного требования познать и упорядочить мир определенным образом.

¹¹⁸ См.: Krasner S. D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University press, 1999. P. 9.

¹¹⁹ Ibid P. 9-10.

Третьей позицией, выступающей против суверенитета, является более конкретная точка предполагаемой несогласованности, а именно понятия суверенитета как одновременно источника и носителя юридического порядка. Иными словами, между идеей закона как основы государства и идеей закона как средства, с помощью которого неюридическая или политическая основа государства получает юридическое выражение. Критика суверенитета как избыточного и непоследовательного часто также рассматривается как нормативный дивиденд, как выход из дискурса узаконенного насилия и императивной власти, который сопровождает разрешение политических конфликтов в мире, где суверенитет является аксиомой.

По мнению Уолкера, в мире пост-суверенитета, который предвещает диалог, убеждение, консенсус и компромисс прославляются как обеспечение более просвещенной и благотворной нормативной сетки отношений между государствами и политическими акторами. Однако, если сместить акцент с концепции суверенитета как определенного и фиксированного состояния дел на концепцию суверенитета как дискурсивного утверждения, то возникает сомнение в том, существует ли суверенитет или он может стать неактуальным¹²⁰.

Возникновение Европейского Союза и других постсовременных государств создает переход к многомерной конфигурации власти, который бросает вызов понятию суверенитета. Как отмечает Уолкер, данный вызов является предпосылкой к радикальному пересмотру понятия суверенитета. Юрист разделяет две фазы в современном использовании языка суверенитета.

Первая, более ранняя, так называемая Вестфальская фаза. Когда международный порядок суверенных государств постепенно и очень неравномерно устанавливался после Вестфальского мира 1648 года¹²¹. Данный международный порядок поддерживался двумя дополняющими друг друга системами права: конституционным правом – регулирующим внутренний порядок суверенных государств, а также международным правом – регулирующим

¹²⁰ Walker N. Late Sovereignty in the European Union. 2003. p. 9.

¹²¹ Linklater A. The transformation of Political Community: ethical foundations of the Post-Westphalian era. Columbia. University of South Carolina Press, 1998. P. 84.

отношения между суверенными государствами. Несмотря на эту двойную правовую структуру, Вестфальский порядок характеризовался одномерной конфигурацией правового авторитета. Никакие претензии на власть, кроме как со стороны государства или от его имени, не принимались всерьез.

Уолкер полагает, что на данный момент мы находимся в процессе перехода от Вестфальской фазы к поствестфальской, текущий процесс мотивирован глобализационными изменениями, с одной стороны, и многомерностью конституционного плюрализма – с другой. Глобализация экономических организаций, транснациональной торговля, культуры и других атрибутов современности имеет достаточно сильное влияние на политический потенциал государства. Соизмеримо с этим процессом рождаются субгосударственные организации, такие как ЕС, Совет Европы, ООН, ВТО, Шенген и Еврозона, которые соперничают с государствами за политико-правовую власть¹²².

Таким образом, на вестфальской стадии суверенитет является очевидной частью метаязыка политико-правового дискурса, обеспечивая точку отсчета в различных объектных языках. Следовательно, данная идея для объяснения и обоснования суверенности регулярно используется в качестве дискурсивного утверждения как институционального факта. Также признается в виде механизма, который является частью дискурса и самопонимания социальных акторов.

На современном поствестфальском этапе суверенитет, безусловно, продолжает оставаться частью объектного языка, однако он уже не воспринимается так широко и уверенно, как часть метаязыка объяснения и политического воображения. В какой-то мере это объясняется совокупным эффектом общих критических замечаний, рассмотренных ранее, но скептицизм и разногласия по поводу концептуальной ценности суверенитета углубились перед лицом более настойчивого вызова, брошенного появлением новых форм государственности.

Идея «позднего суверенитета» соответствует идее конституционного плюрализма. Язык позднего суверенитета, по аналогии с языком позднего модерна

¹²² Артеев С. П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 94.

стремится отразить отличительность, несмотря на свойство непрерывности и трансформации.

Согласно Уокеру, претензия на суверенитет – это всегда претензия на конкретное общество, а также претензия на конституирование общества как государства. Ключевое различие в претензии, сделанной в поствестфальском порядке, заключается в том, что границы являются не только территориальными, но и функциональными. Данный тезис подтверждается стремительным развитием взаимоотношений между объединениями, производственными предприятиями различного рода, корпорациями и др.

Взгляд суверенных властей не может быть направлен исключительно на конкурирующие или предполагаемые суверенные порядки, но и на самоорганизующие и саморегулирующие отрасли государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе было проведено исследование зарождения концепции суверенитета, которая изначально создавалась как учение, обосновывающее абсолютную власть монарха, получающего свою potestas и auctoritas непосредственно от Бога, а затем трансформировалась в представление, согласно которому источником суверенитета выступает народ как носитель специфических качеств гражданского политического сообщества. При этом подчеркивалось, что несмотря на абсолютный характер власти суверена как у Бодена, так и у Гоббса, он неизбежно сталкивается с ограничениями, за которые его могущество легитимно распространяться не может. Тем самым обосновывалась идея защиты некоторых естественных и неотчуждаемых прав.

«Народные» концепции суверенитета Локка и Руссо разработали цельное учение, характеризующее изучаемое понятие как неделимое, неотчуждаемое, существующее в зависимости от концепции разделения властей и необходимости существования как гражданского общества, так и нации – неотъемлемых компонентов, без которых власть немыслима.

Релятивизация суверенитета как правовой категории по Еллинеку, заключается в способности государственной власти реализовывать возможность к самоопределению, равно как и самоограничению путём установления правопорядка (самообязывания). Основой суверенности, выступает абсолютистская традиция, согласно которой суверенное государство не может быть подвержено каким-либо правовым ограничениям или же принудительным изменениям собственного действующего правопорядка извне, кроме как по персональному волеизъявлению. Для организации качественной суверенной власти лучшей формой правления является абсолютная монархия, а сам концепт суверенитета предстает исторической категорией.

Ганс Кельзен представил позитивистскую парадигму, которая противостояла классической идее о том, что каждое государство является суверенным в том смысле, что оно не подчиняется никакому навязанному извне закону. Ученый

выступает за радикальное подавление концепции суверенитета в правовом мышлении, поскольку государства будут воспринимать друг друга как равные субъекты в рамках международной правовой системы. Согласно Кельзену, правовая система представляет собой иерархию норм, где действительность каждой нормы прослеживается через норму более высокого порядка, пока не будет достигнута основная норма системы. Такой порядок свободен от противоречий, так как любое кажущееся противоречие между двумя нормами будет разрешено нормой более высокого порядка, которая дает должностному лицу право принимать обязательное решение. Считая, что суверенитет не является свободой от права, как в классической концепции. Кельзен предлагает не столько парадигму для понимания суверенитета, сколько парадигму для понимания правового порядка, который не рассматривает суверенитет в качестве организующего понятия для правовой теории.

Концепция «народного суверенитета», разрабатываемая в Новое Время последовательно отрицается Карлом Шмиттом в той степени, в которой он отдает ведущую роль *auctoritas* при определении суверенитета. Субъект суверенитета определяется ролью, которую он выполняет в результате принятия решения. Кто выносит решение о чрезвычайном положении или решение об обозначении «друга» и «врага», тот обладает высшей властью в политическом союзе. При этом существует тождество между «крайним случаем» и «серьезным оборотом дел», которое актуализирует политический конфликт, без которого само политическое единство существовать не может, так как экзистенциально нуждается в нем.

Решение о введении чрезвычайного положения совпадает с вынесением решения о друге и враге, то есть их политическом различении. С этой точки зрения представление Дж. Агамбена в отношении концепции К. Шмитта о том, что чрезвычайное положение есть политико-правовая пустота, «аномия» является недостаточно точным. В самом деле, чрезвычайное положение есть актуализация «политического», высвобождение абсолютной власти для того, чтобы преодолеть крайний (исключительный случай).

Карл Шмитт считает государство только исторической формой политического единства, но не идеалом политического существования народа и исключительным законодателем, создающим право. Основа правового порядка находится вне пределов права, то есть в сфере принятия политических решений сувереном, но немецкий правовед не стремится изображать политическое единство как тождественное государству. Современное правовое государство, представляющее собой политический союз, критикуется Карлом Шмиттом только с точки зрения «нормативистского» понимания правового государства, переключаясь с критическими тенденциями либерализма в целом, а также системы так называемой «безличной легальности».

Дж. Агамбен предпринимает попытку синтезировать биополитические концепции, возникающие в 70-е годы XX века в результате целенаправленной фундаментальной работы М. Фуко в сфере археологии политического знания и исследования структуры и практик власти современных обществ, которые претерпели коренные изменения в процессе истории, с политической теологией, которую в начале XX века разрабатывает К. Шмитт. Агамбен аналогичным образом, как и немецкий правовед и политический философ, считает, что секуляризация теологических понятий – это естественный процесс развития общественных наук и сферы применения политической власти. Исторический анализ, предпринятый Дж. Агамбеном, свидетельствует о том, что «Слава» продолжает проявлять себя во многих управленческих практиках, являя собой сферу бюрократического мира, регулирующего многие основания «голой жизни» в современном мире.

Чрезвычайное положение, носившее характер исключительного случая в условиях современных технологических и информационных реалий, наличия глобальных угроз, стирания национальных границ, является нормой повседневности, власть же суверена теперь распространяется на сферу распоряжения «голой» жизнью.

Истинной природой политической структуры современности выступает концлагерь, который сохраняет суверенную вертикаль власти. Природа

политического подразумевает жесткую вертикальность, распределение решения, которое принимает суверен, по всему пространству гражданского общества сталкивается с серьезными трудностями. Политическое конструирует не гражданина, но «голую жизнь»: бескачественная масса подвержена управленческим практикам, сосредоточенным в пространстве суверенитета.

Нил Уолкер определяет суверенитет как дискурсивную форму, в которой выражается утверждение относительно существования и характера верховной распорядительной власти для конкретного государства. Она призвана устанавливать и поддерживать идентичность и статус конкретного политико-правового устройства, а также обеспечивать постоянный источник и средство высшей власти для правопорядка. Препятствием в эффективной организации суверенной власти является глобализационное развитие субгосударственных институтов, которые перенимают фокус и авторитет на свою позицию, тем самым трансформируя историческую природу суверенности. Данный процесс не оставляет за собой конкретного завершения, а наоборот оставляет его открытым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Источники****Источники на русском языке:**

1. Агамбен, Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. –144 с.
2. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. – 552 с.
3. Агамбен Дж. Номо Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
4. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. – 148 с.
5. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
6. Арзаканян М. Ц. История Франции История Франции: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности История / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. – М.: Дрофа, 2005. – 474.
7. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1991. – 731 с.
8. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине / Т. Гоббс. – М.: АСТ, 2001. – 304 с.
9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – 752 с.
10. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 744 с.
11. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.

12. Косов Р.В. Пределы власти (история возникновения, содержание и практика реализации доктрины разделения властей). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 176 с.
13. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
14. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: «Московская школа политических исследований», 2000. 415 с.
15. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
16. Руссо Ж.-Ж. Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. / Руссо Жан Жак. Политические сочинения. — СПб.: Изд-во «Росток», 2013 С. 497–588.
17. Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении неравенства. // Трактаты. М.: Наука, 1969. – 704 с.
18. Скиннер. Кв. Свобода до либерализма. СПб. Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 120 с.
19. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
20. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
21. Чичерин Б. Н. Боден / Чичерин Б. Н. История политических учений. Т.1. 2006. С. 382–400.
22. Шмитт К. Гарант конституции / К. Шмитт. Государство: Право и политика. С. 27–220.
23. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М.: «Владимир Даль», 2006. – 304 с.
24. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2013. С. 307–356.
25. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М.: «Канон-пресс-Ц», 2000. – 336 с.

26. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. Филиппова, Ю. Коринца, А. Шураблёва. СПб.: Наука, 2016. – 567 с.
27. Эльфонд И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI века / Культура Возрождения и власть. Под ред. Брагиной Л. М. М.: Наука, 1999. С.162–172.

Источники на иностранных языках:

28. Bodin J. Six Books of the Commonwealth (Les Six livres de la Republique). Oxford: Alden Press. 1955. – 222 p.
29. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.
30. Foisneau L., Sorell T (ed.) Leviathan after 350 years. New York, Oxford University Press. 2004. 308 p.
31. Franklin J. Sovereignty and the mixed constitution: Bodin and his critics. The Cambridge History of Political Thought 1450-1700, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. pp. 298–328.
32. Kelsen H. Théorie du droit international public // Collected Courses of the Hauge Academy of International Law. 1953. – 204 p.
33. Kelsen H. General Theory of Law and State // Law and society series. Transaction Publishers, 2006. – 516 p.
34. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University press, 1999. – 248 p.
35. Linklater A. The transformation of Political Community: ethical foundations of the Post-Westfalian era. Columbia. University of South Carolina Press, 1998. – 263 p.
36. Muñiz-Fraticelli V.M. Jean Bodin // Bevir M. (ed.), Encyclopedia of Political Theory. Los Angeles: Sage Publications. 2010. pp. 1-7.
37. Rethinking The Foundations of Modern Political Thought. Edited by Brett A., Tully J. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 258 p.
38. Sommerville J. Absolutism and royalism. The Cambridge History of Political Thought 1450-1700, Cambridge: Cambridge University Press. 2008. pp. 347-373.

39. Sullivan V. B. Machiavelli, Hobbes, and the Formation of a Liberal Republicanism in England. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 296 p.
40. Walker N. Sovereignty in Transition. Oxford: Hart publishing. 2003. – 556 p.

Исследования

Исследования на русском языке:

41. Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения о праве Ганса Кельзена // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. №4. С. 172-195.
42. Артеев С. П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2017. №419. С. 93-98.
43. Баязитова Г. И. К вопросу о божественном и естественном законах в политической философии Жана Бодена и Томаса Гоббса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 10. С.106–109.
44. Белоусова И.В. Суверенность, свобода и политический романтизм в контексте XX века. СПб., 2017. – 52 с.
45. Вонсович Л.В. Оттон I Великий и королевская власть в Германии в X веке // Вестник могилёвского государственного университета им. Кулешова. 2001. № 2-3(9). С. 27-34.
46. Гройсберг А. И. Понятие «общей воли» в политическом учении Ж.-Ж. Руссо // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5–2. С.72–75.
47. Дегтярева М. И. Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 157–171.
48. Длугач Т. Б. Руссо и общественный договор // Историко–философский ежегодник. – 2013 (2012). – С.177–190.
49. Исаев И.А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Русский закон. – 2016, № 5(114). С. 9–32.

- 50.Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016, № 10. С.38–44.
- 51.Клименко О. А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. № 6, 2016. С. 53–57.
- 52.Кондратьев С. В. В праве места нет «суверенитету» (Об одном коротком обсуждении в парламенте 1628 г.) // Европа: международный альманах. Вып. 3. Тюмень: Издательство Тюменского государственного суверенитета. 2003. С. 67–74.
- 53.Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 63–91.
- 54.Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 6. №3. С. 49-78.
- 55.Краевский А. А. Действенность и действительность международного права в чистом учении о праве // Вестник СПбГУ. Право. Т. 12 № 1. 2021. С 184-204.
- 56.Курочкин А. В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, № 12(26). С. 95–99.
- 57.Марченко Е. И. Теоцентризм политико-правового учения Ж. Бодена о суверенитете // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки: экономика, право, политология и социология. 2009, № 1. С. 97–98.
- 58.Митюрёва Д. С. Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2 (63). С. 37-40.

- 59.Осветимская И. И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 150-168.
- 60.Тимофеев И. Н. Модели и концепции суверенитета: конкуренция в пространстве и времени // Полития. 2008, №3 (50). С. 185–194.
- 61.Тимошина Е. В. «Устранить суверена»: идея глобального правопорядка в европейской правовой традиции // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения. 2015. С. 562-564.
- 62.Фарафонова Д. Джорджо Агамбен. Язык философии и философия языка // Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. С. 482–505.
- 63.Филиппов А. Комментарии // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. – С. 315–328.

Исследования на иностранных языках:

- 64.Andrew E. Jean Bodin on Sovereignty. Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics and the Arts. №. 2. 2011. P. 75–84.
- 65.Beaulac S. The social power of Bodin’s ‘sovereignty’ and international law. Melbourne Journal of International Law. 2003. 1(4). P. 1–28.
- 66.Besson S. Book review Sovereignty in Transition // International Journal Law. Vol. 3, № 1. 2005. P. 147-156.
- 67.Calarco M. Giorgio Agamben: Sovereignty and Life. Stanford University Press, 2007. – 282 p.
- 68.Dunning Wm. A. Jean Bodin on Sovereignty. Political Science Quarterly. 1896. № 1. Vol. 11. pp. 82–104.
- 69.Fontana B., Nederman C. J., Remer G., Talking Democracy: Historical Perspectives on Rhetoric and Democracy. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2004. – 344 p.

70. Oliwniak S. Foucault and Agamben: Law as inclusive/exclusive discourse. *Studies in logic, grammar and rhetoric*. 2011, 26(39): pp. 49–62.
71. Paulson S. L. The Weak Reading of Authority in Hans Kelsen's Pure Theory of Law // *Law and Philosophy*. 2000. № 19. P. 131-171.
72. Skinner Q. Hobbes on Sovereignty: An Unknown Discussion // *Political Studies* 2, 1965. Pp. 213-218.

Источники на электронных носителях

73. Мюрберг И. Ю. Карл Поппер, свобода и дискурс «политического». *Вопросы философии*. 2010. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=232&Itemid=52 (дата обращения: 05.05.2021)
74. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (Дата обращения: 05.05.2021)
75. Овсиенко Ф. Г. Авиньонское пленение пап // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1429997 (дата обращения: 30.04.2021)
76. Brenn M. Reinterpreting (bio)Politics: Potentiality, Profanation, and Play in the Thought of Giorgio Agamben. MA Thesis. Ohio State University. 2013. 65 p. Режим доступа: https://www.academia.edu/4606198/Reinterpreting_bio_Politics_Potentiality_Profanation_and_Play_in_the_Thought_of_Giorgio_Agamben (дата обращения: 08.05.2021)
77. Philpott D. «Sovereignty». *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty> (дата обращения: 11.04.2021)

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы:

78. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 №208 «О Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».